Джемс Джойс

Перевод с английского Н. Л. ДАРУЗЕС

Улисс

8

Ананасные леденцы, лимонная карамель, сливочная помадка. Липкосладкая девушка, сыплющая совком тянучки для отца наставника.

Какой-нибудь школьный праздник. Только желудки портить. Карамель и монпансье, поставщик его величества. Боже. Храни. Короля. Сидит себе на троне, обсасывает красную карамель добела.

Мрачный юноша из Х. С. М. Л. [2], на посту среди теплых сладких испарений кондитерской Грэхем Лимон, сунул листок в руку мистера Блума.

Душеспасительные беседы.

Бл... Я? Нет.

Благословенна кровь агнца.

Ноги медленно вели его к реке, читающего. Спасены ли вы? Всех омывает кровь агнца. Богу нужны кровавые жертвы. Рождение, брак, мученичество, войны, закладка зданий, жертвоприношение, всесожжение почек, алтари друидов. Грядет Илия. Грядет д-р Джон Александр Доуи, обновитель церкви Сионской.

Грядет! Грядет! Грядет!

Приветствуйте его.

Выгодное дело. А в прошлом году Торри и Александер. Полигамия. Жена это мигом прекратит. Чья это была реклама, какая-то бирмингамская фирма, светящееся распятие? Наш спаситель. Проснуться среди ночи и увидеть его на стене, висящего. Пепперов призрак. Истину ненавидящие распяли Иисуса.

Должно быть добавляют фосфор. Если оставить кусок трески например: Как будто подернулся голубоватым серебром. В ту ночь, когда я спустился на кухню, в кладовую. Не люблю, все эти запахи скопляются там, рвутся наружу. Чего это ей захотелось? Изюм Малага. Испанию вспомнила. Перед тем как родился Руди. Фосфоресценция, этот голубовато-зеленоватый. Полезно для мозга.

С угла возле памятника Батлеру он бросил взгляд на Бачелорс Уок. Дочь Дедалуса все еще там, перед аукционной камерой Диллона. Верно продает что-нибудь из старой мебели. Сразу узнал по глазам, отцовские. Околачивается тут, поджидает его. Семья всегда распадается, когда мать умирает. Пятнадцать человек детей было. Роды почти каждый год. Это так по их закону полагается, а то священник не даст бедняжке отпущения, не разрешит от грехов. Плодитесь и размножайтесь. Слышали вы что-нибудь подобное? Этак по миру пойдешь. Самим-то не нужно кормить семью. Все сливки снимают. Их кладовые и подвалы. Посмотрел бы я, как бы они стали поститься в Иом Кипур [1]. В страстную пятницу и то булочки с крестом. Ест один раз в день и подкрепляется, чтоб не падать в обморок у алтаря. Экономка какого-нибудь из этих голубчиков, попробуй-ка выуди из нее. Ни за что не выудишь. Все равно, что просить у него денег. Гостей не бывает. Все для собственной персоны. Следит за своей мочей. Хлеб и масло приносите с собой. Его преподобие. Держи язык за зубами.

---

[1] Под редакцией Первого переводческого коллектива С. С. П.

[2] Христианский союз молодых людей.

[1] Судный день, день поста у евреев.

Господи, у бедняжки все платье в дырах. И недоедает как видно. Картошка и маргарин, маргарин и картошка. После скажется. Качество пуддинга познается. Подрывает здоровье.

Когда он ступил на мост О'Коннеля клуб перистого пара всплыл над парапетом. Баржа с экспортным элем. В Англию. Говорят, прокисает от морского воздуха. Интересно бы достать через Хэнкока пропуск, посмотреть завод. Совсем особый мир. Бочки с портером, изумительные. И крысы туда попадают. Допьются до того, что плавают раздувшись величиной с собаку. Мертвецки пьяные портером. Пьют, покуда не начнут блевать, точно христиане. А мы это пьем, подумать только! Крысята: бочата. Конечно, если б мы знали.

Глядя вниз, он увидел с силой бьющих крыльями, кружащих у голых стен набережной чаек. В открытом море шторм. А что если броситься вниз? Сын Дж. Рувима верно наглотался досыта этих помоев. Переплатил шиллинг и восемь пенсов. Хм. Забавно, как он вдруг выпаливает ни с того, ни с сего. И анекдоты умеет рассказывать.

Они кружили ниже. В поисках пищи. Погодите.

Он бросил им вниз смятую в комок бумагу. Грядет Илия, тридцать два фута в сек. Не тут-то было. Комок, нетронутый, закачался среди зыбей, уплыл под мостовые быки. Не так-то они просты. А в тот день, когда я бросил им черствую булку с «Короля Эрина», выудили ее из струи пены в пятидесяти ярдах за кормой. Смекалка кормит. Они кружили, хлопая крыльями.

Голодная чайка, махая крылами,
С пронзительным криком кружит над волнами.

Вот как пишут поэты, созвучиями. А у Шекспира нет рифмы—белый стих. Плавное течение речи. Мысли. Торжественно.

Гамлет, я твой отец,
Блуждать везде на время обреченный.

— Пара яблок на пенни! Пара на пенни!

Взгляд его скользнул по рядам блестящих яблок у нее на лотке. Должно быть австралийские в это время года. Блестящая кожица: полирует их тряпкой или носовым платком.

Погоди. Бедные птицы. Он снова остановился, купил у старой торговки яблоками две бенберийские лепешки за пенни, разломил рассыпчатое тесто и бросил куски вниз в воды Лиффи. Нате. Чайки бесшумно ринулись вниз, две, потом стая, с высоты, хватая добычу. Все. До последнего куска.

Зная как они ловки и жадны, он стряхнул с рук порошистые крошки. Они этого не ожидали. Манна небесная. Приходится питаться рыбьим мясом всем морским птицам, чайкам, морским гусям. Лебеди из Анна Лиффи заплывают сюда иной раз, чистят перья. О вкусах не спорят. Интересно, на что похоже лебединое мясо. Робинзону Крузо пришлось питаться им.

Они кружили, слабо махая крыльями. Больше бросать не стану. Вполне достаточно на пенни. Благодарность, нечего сказать. Хоть бы крикнули. К тому же разносят ящур. Если откармливать индейку, скажем, каштанами, мясо приобретает их вкус. Кто ест свинью, сам свинья. А почему же тогда морские рыбы не соленые? Как же так?

Глаза его искали ответа у реки и увидели лодку на якоре, качавшую на паточной зыби свои заклеенные рекламами борта.

Брюки II шил. Кайно.

Удачная мысль. Интересно, платит он городскому совету? В самом деле, разве можно владеть водой? Она всегда течет потоком, всегда иная, что в потоке жизни бренной. Ибо жизнь есть поток. Любое место годится для рекламы. Этот шарлатан, что лечил триппер, бывало наклеивал во всех писсуарах. Теперь нигде не видно. Соблюдение тайны. Д-р Гай Фрэнкс. Не стоило ему ни гроша, как Магинни учителю танцев самореклама. Находил таких, которые ему расклеивали, а то и сам расклеивал потихоньку, забегая расстегнуть пуговицу. Тать в нощи. Как раз подходящее место. Афиш не клеить. Фи не лей. Какой-нибудь бедняк, едва живой от боли.

— А если он?..

О!

А?

Нет... Нет.

Нет, нет. Не может быть. Никогда не поверю.

Нет, нет.

Мистер Блум двинулся дальше, подняв встревоженные глаза. Не думать больше об этом. Второй час. Шар на морском агентстве спущен. Время по Дэнсинку. Увлекательная книжечка этого сэра Роберта Болла. Параллакс. Никогда толком не мог понять. Священник идет. Спросить бы у него. Пар — это по-гречески; параллель, параллакс. Не там все козы, она так прочла, пока я не сказал ей о переселении душ. О силы небесные!

Мистер Блум улыбнулся, о силы небесные, двум окнам морского агентства. Она права в конце концов. Слова пышные, а суть обыкновенная, чтоб лучше звучало. Она не то чтоб остроумна. Бывает и груба. Что у меня на уме, то у нее на языке. А все же как сказать. Говорила же, что у Бена Долларда бас из бочки. У него ноги, как бочки, и поет словно из бочки. Разве не остроумно? Его прозвали Большой Бен. Гораздо хуже, чем бас из бочки. Прожорлив как альбатрос. Управляется с целым ростбифом. И пиво Басса тоже лакает здорово. Бочка Басса. Видите? Все сходится в точку.

Вереница белоблузых людей медленно выступала ему навстречу вдоль канавы, красные шарфы поперек рекламных щитов. Дешевый товар. Вроде того священника сегодня утром; Иисус Христос спаситель: и Хэли спаситель. Он прочел красные буквы на пяти белых цилиндрах: М. Х. Э. Л. И. «Мудрость» Хэли. Л, немного отстав, вытащило из-под переднего щита кусок хлеба и засунуло в рот, прожевывая на ходу. Хлеб насущный. Три шиллинга в день, шагать вдоль канав, из улицы в улицу. Как раз на хлеб и похлебку, лишь бы не умереть с голоду. Они не от Бойля, нет: от Мак Глэйда. И толку от этого мало. Я ему предлагал что-нибудь вроде застекленного фургона и внутри посадить двух девиц, интересных, пишут письма, тетради, конверты, пропускная бумага. Пари держу, это подействовало бы. Интересные, что-то пишут, сразу бросится в глаза. Каждому до-смерти хочется знать, что она там пишет. Человек двадцать соберется вокруг, только начни глядеть в одну точку. Везде сунут свой нос. Женщины тоже. Любопытство. Соляной столб. Не захотел конечно, потому что не ему первому пришло в голову. Или бутылку чернил я предлагал с фальшивым пятном из черного целлулоида. А ему нравились рекламы вроде паштеты Ренклод под извещениями о смерти, мясное отделение. Нет в мире равных. Чему? Нашим конвертам. Эй, Джонс, погоди минутку! Не могу, Робинсон, бегу покупать единственную в мире резинку *Смерть чернилам* Акц. О-во Хэли, Дейм Стрит 85. Слава богу выбрался из этой помойки. Чортова работа получать по счетам с этих монастырей. Монастырь «Транквилла». А хорошенькая там была монашка, приятное личико. Покрывало на маленькой головке, к лицу. Сестра? Сестра? Не иначе как пережила несчастную любовь, по глазам видно. Както неловко торговаться с такими женщинами. Потревожили ее на молитве в то утро. А все-таки радовалась, что общается с внешним миром. Наш великий день, сказала она. Праздник божьей матери с горы Кармель. И название приятное: карамель. Она знала, должно быть знала, судя по тому как. Выйди она замуж, была бы совсем другая. Пожалуй у них и в самом деле было туго с деньгами. И все-таки готовили на сливочном масле. Сала в рот не возьмут. Не переношу жирного. Умащают себя изнутри и снаружи. Молли попробовала приподняв вуалетку. Сестра? Пэт Клаффи, дочь поставщика. Говорят это монахиня изобрела колючую проволоку.

Он перешел через Уэстморлэнд-стрит, когда последнее И протащилось мимо. Ровер, ремонт велосипедов. Сегодня как раз гонки. Когда это было? В тот год умер Фил Гиллигэн. Мы жили на Ломбард-стрит уэст. Нет, тогда я работал у Тома. Получил место в «Мудрости» Хэли в год свадьбы. Шесть лет. Десять лет назад: в девяносто четвертом он умер, ну, конечно, большой пожар у Арнотта. Вэл Диллон был лорд-мэром. Обед в Гленкри. Олдермэн Роберт О'Рейли вылил портвейн в свою тарел-

ку с супом и вылакал за собственное здоровье перед тем как спустили флаг. Не слышно было, что играет оркестр. За все ниспосланное ныне возблагодарим. Милли была тогда совсем крошка. На Молли был тот слоново-серый костюм с тесьмой. Английский с обтяжными пуговицами. Не любила его потому, что я растянул сухожилие в первый день, как она надела. Пикник хора в Сахарной Голове. Как будто от того. Цилиндр старика Гудвина, вымазанный в чем-то липком. И для мух пикник. Такого костюма у нее с тех пор не было. Сидел как перчатка, обтягивая плечи и бедра. Только-только начинала полнеть. В тот день мы взяли с собой паштет из кролика. Все оборачивались на нее.

Счастливое. Самое счастливое. Уютная комнатка, с красными обоями, от Докрелла, шиллинг и девять пенсов кусок. Вечера когда купали Милли. Американское мыло я купил: цвет бузины. Приятный запах мыльной воды в ванночке. Смешная она была с ног до головы в мыле. И сложена хорошо. А теперь фотография. Дагерротипное ателье бедного папы, он мне рассказывал. Унаследовала склонность.

Он шел по краю тротуара. Поток жизни. Как звали того, поповская рожа, всегда косился в наши окна, проходя мимо? Слабое зрение, женщина. Останавливался у Цитрона на Сент-Кевинс-Перэд. Пен, а дальше как. Пенденнис? Память у меня становится. Пен?.. еще бы, столько лет. Верно от грохота трамваев. Чего уж, если не мог вспомнить, как зовут дневного выпускающего, которого видит изо дня в день.

Бартелль д'Арси, тенор, тогда еще только начинал. Провожал ее домой с репетиций. Самодовольный, с нафиксатуаренными усиками. Дал ей тот романс *Ветры, что веют с юга.*

Ветреная была ночь, когда я зашел за ней. Было собрание ложи насчет лотерейных билетов после концерта Гудвина в банкетном или дубовом зале городской думы. Мы с ним позади. Ее ноты вырвало у меня из рук, ветром прибило к ограде школы. Хорошо еще, что не. Могло бы испортить ей все впечатление от вечера. Профессор Гудвин под руку с ней впереди. Ноги уж не держат, старый пьяница. Его прощальные концерты. Безусловно последнее выступление на эстраде. Быть может на время, быть может навек. Помнишь она смеялась ветру, подняв меховой воротник. На углу Харкорт-род помнишь тот порыв ветра? Бррфуу! Взлетели кверху все юбки и боа чуть не задушило старика Гудвина. Она раскраснелась на ветру. Помнишь когда мы вернулись домой, раздул уголья и жарил ей на ужин бараньи котлетки с ее любимым Четнейским соусом. И горячий грог. Видел, стоя у очага, как она в спальне расстегивает планшетку корсета. Белый.

Свист и мягкий хлоп корсета, брошенного на кровать. Всегда теплый от нее. Всегда любила отдохнуть от. Потом сидела чуть не до двух, выбирая шпильки Милли в домике из одеяла. Счастливое. Счастливое. В ту самую ночь...

— А, м-р Блум, как поживаете?

— А, как поживаете, м-с Брийн?

— Что толку жаловаться. А как Молли? Целый век ее не видела.

— Цветет, сказал м-р Блум весело, Милли получила место в Мэллингаре, вы знаете.

— Да что вы! Как это удачно для нее!

— Да, в фотографии там. Чувствует себя отлично. А как ваши питомцы?

— Все живы и есть просят, сказала м-с Брийн.

Сколько их у нее? Прибавления не предвидится.

— Вы в трауре, я вижу. У вас не...

— Нет, сказал м-р Блум. Я только что с похорон.

Теперь пристанет на целый день. Кто умер, когда, от какой болезни? Не отвяжешься как от фальшивой монеты.

— О боже мой, сказала м-с Брийн, надеюсь, что не близкая ваша родня.

Ну что ж, пусть посочувствует.

— Дигнэм, сказал м-р Блум. Старый мой друг. Скончался скоропостижно, бедняга. От болезни сердца, кажется Хоронили сегодня утром.

Твои похороны завтра,
А ты гуляешь на лугу,
Динь дон, динь дон,
Динь дон.

— Грустно терять старых друзей, меланхолично сказали женские глаза м-с Брийн.

Ну и вполне достаточно об этом. А теперь спокойно: муж.

— А ваш супруг и повелитель?

М-с Брийн подняла два больших глаза. Хоть это сохранилось по крайней мере.

— Ох, не спрашивайте, сказала она. Он стал теперь настоящее пугало. Он сейчас роется там в книгах, ищет закон о диффамации. Сущее горе с ним. Погодите, я вам покажу.

Горячий пар супов а-ля-тортю и запах свежеиспеченных слоенок с вареньем вырывались из закусочной Харрисона. Тяжкий дух полдня щекотал нёбо м-ра Блума. Чтобы сделать хорошее пирожное, нужно лучшую муку, сливочное масло, тростниковый сахар, а то будет чувствоваться когда с горячим чаем. Или это от нее? Босоногий мальчишка стоял над решеткой, вдыхая испарения. Заглушить терзания голода этим. Наслаждение или мука? Грошовый обед. Нож и вилка прикованные к столу.

Открывает сумочку, потертая кожа, шляпная булавка: нужно бы наконечник на нее. Выколет глаз кому-нибудь в трамвае. Роется. В открытой. Мелочь. Попробуй-ка, возьми. Как ведьмы, стоит им потерять сикспенс. Поднимут крик. Муж придирается. Где эти десять шиллингов, что я дал тебе в понедельник? Прикармливаешь семейство братца? Грязный платок: пузырек с лекарством. Таблетка что ли упала. Что он там?..

— Скоро новолуние, сказала она. Он всегда плох в это время. Знаете, что он сделал вчера ночью?

Рука ее перестала рыться. Глаза остановились на нем, тревожно раскрытые, но улыбающиеся.

— Что? спросил м-р Блум.

Пусть говорит. Смотреть ей прямо в глаза. Я верю тебе. Доверься мне.

— Разбудил меня среди ночи, сказала она. Сон видел, кошмар.

Несваре.

— Будто бы туз пик поднимается по лестнице.

— Туз пик! сказал м-р Блум.

Она достала сложенную открытку из сумочки.

— Вот, прочтите, сказала она. Он получил это сегодня утром.

— Что это? спросил м-р Блум, взяв открытку. Ум и Рай?

— Ум и Рай: умирай, сказала она. Кто-то над ним издевается. Стыдно им, кто бы это ни был.

— Да, действительно, сказал м-р Блум.

Она взяла у него открытку, вздыхая.

— А теперь он пошел в контору к м-ру Ментону. Говорит, что хочет вчинить иск на десять тысяч фунтов.

Она положила открытку в неопрятную сумку и щелкнула замком.

Тот же костюм синего шевиота, что и два года назад, ворс вытерся. Видел лучшие дни. Волосы выбились на висках. И эта безобразная шляпа, три старые виноградины, чтобы скрасить. Приличная бедность. А когда-то одевалась со вкусом. Морщинки в углах рта. На какой-нибудь год старше Молли.

Как ее оглядела эта женщина, проходя. Без жалости. Свирепый пол.

Он все еще глядел на нее, скрывая за этим взглядом свое недовольство. Острый запах супов а-ля-тортю, из бычьих хвостов, меллигатоуни. Я тоже голоден. Крошки пирожного на отворотах ее костюма: комок сахарной пудры пристал к щеке. Ревенный торт с сочной начинкой. из лучших фруктов. И это Джози Пауэлл. У Люк Дойля, давным давно, в Долфинс Барн, шарады. Ум и Рай, умирай.

Переменим тему.

— Видите вы когда-нибудь м-с Бьюфой? спросил м-р Блум.

— Мину Пьюрфой? сказала она.

Филлип Бьюфой, вот о ком я думал. Клуб театралов. Мэтчем часто думал о том блестящем ударе. Спустил я воду? Да. Последнее действие.

— Да.

— Я только что заходила по дороге узнать как она. Она в родильном доме на Холлес-стрит. Ее туда направил д-р Хорн. У нее уж три дня как начались схватки.

— О, сказал м-р Блум. Очень грустно слышать.

— Да, сказала м-с Брийн. А дома полно детей. Роды очень трудные, сиделка говорила.

— О, сказал м-р Блум.

Его пристальный сожалеющий взгляд вбирал ее слова. Язык сочувственно прищелкнул. Тц! Тц!

— Очень грустно слышать, сказал он. Бедняжка! Три дня! Как это ужасно.

М-с Брийн кивнула.

— Схватки начались во вторник...

Мистер Блум осторожно дотронулся до ее локтя, предостерегая.

— Берегитесь! Дайте ему пройти.

Костлявая фигура шагала по краю тротуара со стороны реки, смотря остановившимся взглядом на солнце сквозь пенснэ на широкой ленте. Тесная словно ермолка шапочка облегала его голову. На руке сложенный дождевик, палка и зонт раскачивались в такт шагам.

— Смотрите на него, сказал м-р Блум. Всегда обходит фонари по самому краю. Смотрите!

— Кто это, если не секрет? спросила м-с Брийн. Он сумасшедший?

— Его зовут Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисдэл Фаррел, сказал м-р Блум улыбаясь. Смотрите!

— Имен у него больше чем достаточно, сказала она. Вот и Денис скоро будет такой же.

Она сразу оборвала.

— Вот он, сказала она. Нужно итти к нему. Прощайте. Передайте Молли привет, хорошо?

— Передам, сказал м-р Блум.

Он следил, как она пробирается сквозь толпу к витринам. Денис Брийн, в поношенном сюртуке и синих брезентовых туфлях, шаркая выходил от Харрисона, прижимая два тяжелых тома к ребрам. С луны свалился. Ископаемое. Не выказав удивления, когда она обогнала его, он вытянул к ней свою тусклую серую бороду, заговорил горячо, тряся дряблым подбородком.

Мешугге. Не в своем уме.

М-р Блум неторопливо пошел дальше, видя впереди в солнечном свете тесную ермолку, раскачивающуюся палку, зонт, дождевик. За два дня сразу. Смотрите на него! Опять появился. Еще один способ заработать на хлеб. А тот полоумный старик в своих отрепьях. Должно быть ей нелегко с ним приходится.

Ум и Рай. Умирай. Готов присягнуть, что это Алф Бергэн или Ричи Гулдинг. Забавлялись сидя в Шотландском, даю голову на отсечение. Отправился в контору Ментона. Глаза как устрицы, уставившиеся на открытку. Праздник достойный богов.

Он прошел мимо *Ирландского Таймса.* Может быть и другие ответы лежат здесь. Хотелось бы ответить на все. Удобная система для преступников. Шифр. Теперь завтракают. Тот клерк в очках никогда меня не узнает. А, пускай себе коптятся здесь! Не так легко сладить и с этими сорока четырьмя. Нужна опытная машинистка, помогать джентльмену в литературной работе. Я назвала вас гадким мальчиком, потому что не люблю того, другого слова. Скажите мне что значит. Скажите мне какими духами душится ваша жена. Скажите мне кто сотворил мир. Так и забрасывают вопросами. А другая Лиззи Туигг. Моим литературным опытам посчастливилось заслужить одобрение знаменитого поэта А. Э. (м-ра Дж. Рэссела). Причесаться некогда, пьет жидкий чай не отрываясь от книжки стихов.

Лучшая газета для мелких об'явлений. Завоевывает провинцию. Кухарки и одной прислуги: лучш. кухня, имеется горничная. Требуется энергичный продавец спиртных напитков. Интеллиг. особа (катол.) ищет места во фруктовой или колбасной лавке. А завел это Джемс Карлайл. Шесть с половиной процентов дивиденда. Здорово нажился на акциях Коатса. Полегоньку да потихоньку. Продувной старый скряга-шотландец. Сплетничал как приживалка. Наша милостивая, обожаемая вице-королева. Приобрел и *Айриш Филд.* Лэди Моунткэшел, вполне оправившись после родов, впервые выехала вчера со сворой гончих из Уорд-Юньона в Загородный парк. Нес'едобная лисица. За дичью тоже охотятся. От страха выделяются соки, мясо становится нежней. В мужском седле. И посадка мужская. Искусная охотница. На дамское не сядет, и подушки не подложит, ни за что. Первая на сборе, первая и на травле. Выносливы как породистые кобылы, эти наездницы. Расхаживают вокруг конюшен. Хлопнут стакан брэнди не успеешь и ах вымолвить. А та, у Гровенора сегодня утром. Сесть бы с ней вместе в вагон; хочухочу. Одним махом через барьер или банкетку. Наверно тот курносый вожатый на зло мне так старался. На кого это она похожа? Ах да! На м-с Мириам Дэнд-

рэйд. Я еще купил у нее старые платья и черные дессу в Шельбурн-отеле. Разведенная испано-американка. Глазом не сморгнула когда я перебирал ее тряпки. Словно я для нее вешалка. Видел ее в кавалькаде вице-короля в тот день когда лесничий Стэббс пустил меня в парк с Уэланом из *Экспресса*. Остатки с господского стола. Пикник. Положил майонеза в компот из слив, думал это сабайон. Уши у нее должно быть целый месяц после того горели. Нужно быть быком чтобы. Прирожденная куртизанка. С пеленками возиться, спасибо.

Бедная м-с Пьюрфой! Муж методист. И сумасшествие у него методическое. Шафранная булочка и молоко с содой, завтрак в педагогической молочной. Ест по секундомеру тридцать два жевка в минуту. А бакенбарды все-таки отращивает котлетками. Говорят будто у него высокопоставленная родня. Кузен Теодора в Дублинском замке. В каждой семье есть знатный родственник. Ежегодно преподносит ей по сюрпризу. Видел его возле Трех Веселых Пьяниц, шел без шляпы, а старший мальчик тащил маленького в сумке для провизии. Крикуны. Бедняжка! А потом корми их грудью год за годом по ночам чуть не каждый час. Эгоисты все эти трезвенники. Собака на сене. Мне только один кусок сахару, пожалуйста.

Он стоял на перекрестке Флит-стрит. Позавтракать что ли за шесть пенсов у Роу? Нужно сначала разыскать это объявление в национальной библиотеке. За восемь пенсов у Бартона. Лучше. По дороге.

Он прошел мимо Уэстморлэндского магазина Болтон-хауз. Чай. Чай. Чай. Забыл попросить у Тома Кернана.

Ссс. Тц, тц, тц! Три дня подумайте только стонать в постели с мокрым платком на лбу, со вздувшимся животом! Фью! Просто ужас! Слишком большая голова у ребенка — щипцы. Согнувшись пополам в утробе бьется головой, ищет выход вслепую, ощупью ищет выхода. Я бы не выдержал. Какое счастье, что у Молли прошли легко. Должны что-нибудь придумать, положить этому конец. Жизнь начинается с мучительных потуг. Придумали под наркозом: королеве Виктории давали. Девятерых родила. Хорошая несушка. Старушка жила в башмаке, детей она много имела. Говорят он чахоточный. Пора бы об этом подумать, вместо того чтобы пустословить насчет этого, как его — задумчивое лоно серебряного сияния. Галиматья, только дураков пичкать. Устроили бы большое заведение. Чего проще. Совершенно безболезненно, отчислять со всех налогов на каждого ребенка пять фунтов под сложные проценты до совершеннолетия, пять процентов это сто шиллингов и опять те же пять фунтов, помножить на двадцать, десятичная система, заставило бы людей экономить, за двадцать один год сто десять с чем-то, нужно бы высчитать с карандашом, выйдет кругленькая сумма, больше чем можно подумать.

Конечно кроме мертворожденных. Этих даже не регистрируют. Зря старалась.

Забавно было видеть их вдвоем с такими животами. Молли и м-с Мойзель. Встреча матерей. Чахотка затихает на это время, потом возвращается. Какими плоскими они сразу становятся после! Умиротворенные глаза. Бремя с души. Старая м-с Торнтон, боевая была старуха. Все мои ребята, говорила она. Ложечку кашки себе в рот прежде чем их кормить. А вот ням-ням. Руку ей повредил сын старого Тома Уолла. Первый выход на сцену. Голова как премированная тыква. Протабаченный д-р Мэррен. Стучатся к ним и днем и ночью. Ради бога доктор. Жена рожает. А потом не платят им целыми месяцами. За визит к вашей жене. Нет благодарности в людях. Гуманный народ эти доктора, большинство из них.

Перед громадными громоздкими дверями ирландского парламента летала стайка голубей. Развлекаются после обеда. Над кем мы теперь подшутим? Выбираю вон того, в черном. Вот, пожалуйста. Вот это метко. Должно быть забавно с воздуха. Эпджон, я и Оуэн Гольдберг на деревьях близ Гусиного Луга играли в обезьян. Макрель, они меня прозвали.

Отряд констэблей выступил с Колледж-стрит, маршируя гуськом. Гусиный шаг. Сыто-красные лица, потные шлемы, помахивая дубинками. После кормежки, тяжелый груз жирного супа распирает им пояса. Нередко счастлив жребий по-

лисмена. Они разбились на группы и направились, отдавая честь, к своим постам. Пустили на подножный корм. Лучшее время напасть врасплох когда за пуддингом. Тумаки на обед. Другой отряд, марширую в разбивку, огибал ограду Тринити, направляясь в участок. На штурм кормушек. К атаке на кавалерию приготовься. К атаке на суп приготовься.

Он переходил улицу под шаловливым пальчиком Томми Мура. Правильно, что поставили его над писсуаром: стечение вод. Нужно бы устроить и для женщин. Забегают в кондитерские. Мне только поправить шляпу. *Где сыщу я такой уголок.* Коронный номер Джулии Моркэн. Сохранила свой голос до последнего дня. Ученица Майкела Балфа, кажется?

Он смотрел вслед последнему мундиру. Не очень-то приятно попасть к ним в лапы. Джэк Пауэр мог бы кое-что порассказать: отец жандарм. Если кто сопротивляется при аресте, они потом изобьют до полусмерти в каталажке. Нельзя их и винить в конце концов, дело у них такое, особенно с этими студентами. Тому конному полисмену, в день, когда Джо Чемберлену поднесли докторский диплом в Тринити, пришлось таки попотеть за свои деньги. Да еще как пришлось! Цоканье подков его коня за нами по Эбби-стрит. Счастье, что я не растерялся, нырнул к Мэннингу, не то досталось бы. Вот это была потасовка! Должно быть разбил череп о булыжники. К чему только я увязался за этими медиками. И старые хрычи из Тринити в квадратных шапках. Лезут на рожон. А все-таки познакомился с молодым Диксоном, вытащил у меня это жало в больнице Богоматери, а теперь он на Холлес-стрит, где м-с Пьюрфой. Мир тесен. Полицейский свисток как сейчас слышу. Все врассыпную. Что я ему дался. Засадить меня хотел? Тут-то и началось.

— Да здравствуют буры!

— Ура-ура-ура Де-Вету!

— Вздернем Джо Чемберлена на первой осине!

Дурачье, мальчишки: свора щенков — разлаялись, того и гляди кишка лопнет. Винигер Хилл. Оркестр с Масляной Биржи. А года через три половина из них чиновники и судьи. А война будет, все опрометью в армию: те же самые, что «эшафот ли высокий нас ждет».

Никогда нельзя знать с кем разговариваешь. Корни Келлехер следит за Харви Дэффом. Как тот Питер, или Денис, или Джеймс Кэри, что выдал непобедимых. А сам из той же лавочки. Обрабатывает зеленых юнцов, чтобы выведать у них. Все время получает жалованье за особые услуги из городской управы. Шарахаются как от чумного. Потому-то эти шпики всегда ухаживают за кухарками. Сразу видно, что привык к мундиру. Торчит на черной лестнице. Помять ее слегка. Потом следующий номер программы. А что это за джентльмен ходит к вам в гости? Не говорил ли чего молодой хозяин? Подглядывает в замочную скважину. Приманная утка Пылкий молодой студент вертится вокруг, ее толстые руки водят утюгом.

— Это ваше, Мэри?

— Я таких не ношу... Перестаньте, а то пожалуюсь на вас хозяйке. Шатаетесь до поздней ночи.

— Великое время наступает, Мэри. Вот увидите.

— А, подите вы с вашим великим временем.

Девушки из бара тоже. Продавщицы из табачных лавок.

Джемс Стивенс придумал лучше всего. Знал их наизусть. Кружки из десяти человек, так что доносить могли только на членов своей десятки. Шиннфейнеры. Изменникам нож в спину. Рука неизвестного. Не вырвешься. Карательный отряд. Дочь тюремщика помогла ему бежать из Ричмонда, близ Лэска. Скрывался в отеле Бэкингем-Пэлес под самым их носом. Гарибальди.

Тут нужно известное обаяние: Парнелль. Артур Гриффитс человек с головой, а успеха у толпы не имеет. Нужно разглагольствовать насчет нашей прекрасной родины. Шпик со шпинатом. Чайная Общества Дублинских Булочных. Дискуссионные кружки. Что республика лучшая форма правления. Что вопрос о языке следует решить прежде экономических вопросов. Пусть ваши дочери заманивают их в ваш дом. Закармливайте до полусмерти. Гусь на Михайлов день. А вот у меня под фартуком для вас приправа—пучок тмина.

Еще подливки пока не застыла. Недокормленные энтузиасты. Грошовая булочка и прогулка под музыку. Только и знай подкладывай. Мысль, что не я плачу, лучше всякого соуса. Не стесняются, чувствуют себя как дома. Подвиньте-ка нам сюда эти абрикосы, а на столе персики. Близок тот отдаленный день. Солнце Гомруля, встающее на северо-западе.

Улыбка сбегала с его лица, тяжелая туча медленно наползала на солнце, затеняла угрюмый фасад Тринити. Трамваи проезжали, встречаясь, в центр, из центра, позванивая. Бесполезная болтовня. Все идет по старому, изо дня в день: отряды полисменов маршируют вперед, назад: трамваи в центр, из центра. Эти двое полоумных слоняются тут. Дигнэма свезли. Мина Пьюрфой вздутый живот на кровати стонет, ждет, чтоб вытащили ребенка. Каждую секунду кто-нибудь где-нибудь рождается. Каждую секунду кто-нибудь другой умирает. С тех пор как я кормил голубей пять минут. Триста сыграли в ящик. Другие триста родились, смывают кровь, всех омывает кровь агнца, блеют мэээээ.

Город уходит, другой город приходит и уходит тоже; другие приходят, уходят. Дома, ряд домов, улицы, мили мостовой, груды кирпича, камня. Переходят из рук в руки. Тот владеет, этот. Хозяин, говорят, никогда не умирает. Другие становятся на его место, когда он получает расчет. Покупают дом на золото и все-таки золото остается у них. Что-то тут нечисто. Скопляется в городах, стирается век за веком. Пирамиды в песках. Построены на хлебе и луке. Рабы Китайскую стену. Вавилон. Большие камни остались. Круглые башни. Россыпи щебня, развалины пригородов, строенных наскоро, дома-грибы Кервэна, подбитые ветром. Приют на ночь.

Никто ничего не значит.

Самый скверный час во всем дне. Жизнеспособность. Тусклый, мрачный: ненавижу этот час. Такое чувство точно меня с'ели, а потом выблевали.

Дом ректора. Достопочтенный доктор Сом: закупоренный в банку сом. Плотно закупорен в нем. Не стал бы жить здесь ни за какие деньги. Надеюсь, у них есть сегодня печонка с салом. Природа боится пустоты.

Солнце высвободилось медленно и зажгло блики света на серебре в витрине Уолтера Секстона напротив, мимо которой проходил Джон Хоуард Парнелль, не видя.

Вот он: брат. Похожи как две капли воды. Такое лицо не забудешь. Вот это совпадение. Конечно. Сотни раз думаешь о человеке и не встречаешь его. Ходит как во сне. Никто его не знает. Должно быть сегодня заседание муниципалитета. Говорят, он ни разу не надевал мундира городского олдермэна за все время, что занимает это место. Чарли Боулджер раз'езжал бывало на своем коне, треуголка, надутый, напудренный и выбритый. Смотрите, идет пригорюнившись. Тухлым яйцом подавился. Глаза в мешочек, выпучился на. Скорблю о нем. Брат великого человека: брат своего брата. Хорош бы он был на городском скакуне. Идет наверно в О. Д. Б. выпить кофе, сыграть в шахматы. Брат его играл людьми как пешками. Пусть хоть все передохнут. Боялись слово сказать о нем. Заморозит этим своим взглядом. Обаяние имени. Все малость тронуты. Сумасшедшая Фанни и другая его сестра м-с Дикинсон, раз'езжает с красной сбруей. Держится прямо как хирург Мак Ардль. А все-таки Дэвид Шихи обскакал его в Соут-Мит. Ушел в отставку кандидатом округа Чильтерн, синекура. Банкет в честь патриота. Едят апельсинные корки в Феникс Парке. Саймон Дедалус сказал, когда его выбрали в парламент, что Парнелль встанет из гроба и за ручку выведет его из Палаты Общин.

— Двуглавого осьминога, одна из его голов та, на которой чуть было не сошлись края света, а другая говорит с шотландским акцентом. Щупальцы...

Они обошли мистера Блума по краю тротуара. Борода и велосипед. Молодая женщина.

А вот и он. Ну это, действительно, совпадение: во второй раз. Грядущие события бросают тень впереди себя. С одобрения знаменитого поэта м-ра Дж. Рэссела. А с ним верно Лиззи Туиг. А. Э. Что бы это значило? Может быть инициалы. Альберт Эдуард, Артур Эдмунд, Альфонс Эб Эд Эл Эсквайр. Что это он

говорил? Края света с шотландским акцентом. Щупальцы: осьминог. Что-то оккультное: символизм. Разглагольствует. А она-то развесила уши. Словечка не вымолвит. Помогать джентльмену в литературной работе.

Глаза его следили за высокой фигурой в домодельной ткани, борода и велосипед, слушающая женщина рядом. Из вегетарианки. Корешки да фрукты. Не ешьте бифштекса. Если с'едите, глаза той коровы будут вас преследовать во веки веков. Они говорят это здоровее. Однако гонит ветры и мочу. Пробовал. Целый день приходится бегать. Хуже селедки. Сны всю ночь. Почему та штука, что мне подавали, называется у них репштекс? Репарианцы. Фруктарианцы. Чтобы казалось будто ешь рамштекс. Чепуха. Солоно к тому же. Прибавляют соды. И сиди у крана всю ночь.

Чулки морщат на лодыжках. Терпеть этого не могу, так безвкусно. Уж эти литераторы, все они в облаках витают. Туманное, сонное, символическое. Эстеты, вот они кто. Я бы не удивился, если окажется, что такая пища производит эти самые волны в мозгу, поэтические. Взять хоть любого из этих полисменов, потеющих тушеным мясом в свои рубашки, из него и строчки стихов не выжмешь. Не знают даже, что за штука стихи. Нужно особое настроение.

Туманная чайка, махая крылами
С пронзительным криком летит над
волнами.

На углу Нассау-стрит он перешел на другую сторону и остановился перед витриной Иетса и сына, оценивая взглядом бинокли. Или зайти к старому Харрису и поболтать с молодым Синклером? Воспитанный человек. Завтракает должно быть. Нужно бы отдать в починку мой старый бинокль. Герцовские линзы, шесть гиней. Немцы всюду пролезут. Продают по дешевке лишь бы завоевать рынок. В убыток. Можно бы купить по случаю в бюро утерянных вещей, на вокзале. Удивительно чего только люди не забывают в поездах и гардеробных. И о чем они думают? Женщины тоже. Невероятно. В прошлом году, когда ездил в Эннис, пришлось подобрать сумку за этой фермерской дочкой, передал ей на станции Лимерик. Невостребованные деньги, тоже. Там есть маленькие часы на крыше банка, по ним можно проверить бинокль.

Веки его опустились до нижнего края радужной оболочки. Не вижу. Если знать, что они там, то почти видно. Не вижу.

Он повернулся и, стоя между навесами витрин, вытянул правую руку к солнцу. Давно хотел попробовать. Да: совсем. Кончик его мизинца закрыл солнечный диск. Должно быть фокус, где пересекаются лучи. Если бы у меня были черные стекла. Интересно. Много было разговоров об этих солнечных пятнах, когда мы жили на Ломбард-стрит уэст. Оттого что там ужасные извержения. В этом году будет полное затмение: осенью, что ли.

Теперь сообразил, пожалуй этот шар падает по Гриничскому времени, потому что механизм управляется по электрическому проводу из Дэнсинка. Надо бы туда с'ездить как-нибудь в первую субботу месяца. Если бы удалось достать рекомендацию к профессору Джоли или разузнать что-нибудь о его семье. Это бы хорошо: человек всегда чувствует себя польщенным. Лесть от кого меньше всего ожидаешь. Дворянин, гордящийся происхождением от любовницы короля. Его прабабка. Маслом каши не испортишь. Коль кланяться не лень, везде тебе дорога. Не войти же и брякнуть, когда знаешь, что не следует: что такое параллакс? Проводите этого джентльмена до двери.

А.

Рука его снова опустилась. Так и не узнаешь никогда. Потеря времени. Газошары вращаются, сталкиваются друг с другом, исчезают. Все та же старая музыка. Газ, потом твердое, потом мир, потом остывает, потом мертвая скорлупа мчится в пространстве, оледенелая глыба вроде того ананасного леденца. Луна. Должно быть новолуние, сказала она. Думаю, что да.

Он проходил мимо Мэзон Клэр.

Погоди. Полнолуние было в ту ночь, когда мы в воскресенье две недели назад, значит теперь новолуние. Ходили гулять к Толке. Вид при луне не плохой. Она напевала: И майская луна сияет, любовь моя. По другую сторону он. Локоть, рука. Он. И светлячок фонарь

свой зажигает, любовь моя. Прикосновение. Пальцы. Вопрос, ответ. Да.

Довольно. Довольно. Было так было. Ничего не поделаешь. Мистер Блум, дыша быстрее, двигаясь медленнее, проходил мимо Адем-Коурт.

С облегчением — успокойся — глаза его отметили: это улица, середина дня, бутылочные плечи Боба Дорэна. Его ежегодный тарарам, сказал Мак-Кой. Они пьют для того, чтоб сказать или сделать что-нибудь, или cherchez la femme. Там в Куме с солдатами и шлюхами, а остальное время года трезвый как судья.

Ну да. Так и есть. Завернул в Эмпайр. Скрылся. Чистая содовая была бы ему полезней. Тут Пат Кинселла держал свой театр Арфа еще до того как Уитбред открыл театр Королевы. Молодец малый. Подражая Диону Бусико, с лицом как полнолуние, в крошечной шляпке. Три веселых школьницы. Как время летит, а? Длинные красные панталоны из-под его юбок. Пьяницы пили, смеялись, брызжа, поперхнувшись пивом. Наддай, Пат. Ярко-красные; на потеху пьяницам; хохот и дым. Сними-ка эту белую шляпу. Его недоваренные глаза. Где-то он теперь? Просит милостыню где-нибудь. Та арфа, что когда-то разорила нас.

Я был счастливее тогда. А был ли это я? А я теперь, это я? Мне было двадцать восемь. Ей двадцать три когда мы уехали с Ломбард-стрит-уэст что-то переменилось. Не находила в этом удовольствия после смерти Руди. Прошлого не вернешь. Все равно, что удержать воду в руке. Ты бы хотел вернуться к тогда? Снова начать с тогда. Ты бы хотел? Так значит вы несчастливы в семейной жизни, милый, бедненький, гадкий мальчик? Хочет пришивать мне пуговицы. Надо ответить. Напишу ей в библиотеке.

Графтон-стрит пестрая от спущенных навесов манила его. Разноцветный муслин, шелка, элегантные дамы и почтенные вдовы, звяканье упряжи, глухой стук подков по размякшему асфальту. Толстые ноги у той женщины в белых чулках. Хорошо бы дождь забрызгал их грязью. С деревенских хлебов. От толстопятых девиц отбою не было. У женщин от этого всегда неуклюжая походка. Молли становится нескладной.

Он проходил, замедлив шаг, мимо витрин Браун Томас, торговля шелком. Водопады лент. Легкие китайские шелка. Из наклоненной урны струился поток кровавокрасного поплина: глянцевитая кровь. Гугеноты сюда занесли. La causa è santa. Тара-тара. Замечательный хор. Тара. Стирать в дождевой воде. Мейербер. Тара: бом, бом, бом.

Подушки для булавок. С которых пор грожусь купить. Втыкает по всей квартире. Иголки в оконных занавесях.

Он слегка завернул левый рукав. Царапина: почти зажила. Не сегодня во всяком случае. Нужно еще зайти за этим лосьоном. Может быть ко дню ее рождения. Июньиюль, августсентябрь, восьмое. Почти целых три месяца. Да еще и понравится ли ей. Женщины не любят подбирать булавки. Говорят любить не бу.

Блестящие шелка, юбки на тонких медных прутах, лучи плоских шелковых чулок.

Не стоит возвращаться. Так суждено. Скажи мне все.

Звонкие голоса. Солнцетеплый шелк. Звякающая упряжь. Все для женщины, семья и дом, паутина шелка, серебро, сочные плоды, пряные из Яффы. Агенда Нетаим. Богатства мира.

Теплая человеческая полнота опустилась на его мозг. Его мозг сдался. Благоухание об'ятий им завладело. Смутно томящейся плотью он безмолвно жаждал преклониться.

Дьюк-стрит. Вот мы и пришли. Надо поесть. Бэртон. Тогда будет лучше.

Он завернул за угол ресторана Комбриджа, все еще преследуемый. Звякающий стук подков. Благоухающие тела, теплые, полные. Все целуемые, отдающиеся: в глубоких летних полях, спутанной примятой траве, в сочащихся сыростью под'ездах, на диванах, скрипящих кроватях.

— Джек, любовь моя!
— Милый!
— Поцелуй меня, Реджи!
— Мой мальчик!
— Любовь моя!

---

[1] Дело святое (итал.).

С бьющимся сердцем он толкнул дверь ресторана Бэртона. Вонь стиснула его дрожащее дыхание: острый запах мясной подливки, бурды из овощей. Скотина у кормушки.

Мужчины, мужчины, мужчины.

Взобравшись на высокие табуреты у стойки, сдвинув шляпы на затылок, за столиками требуя еще хлеба бесплатно, прихлебывая, по волчьи глотая полными ложками помои, выпуча глаза, вытирая мокрые усы. Бледный сальнолицый юноша вытирал стакан, нож, вилку и ложку своей салфеткой. Свежая порция микробов. Человек с закапанной соусом салфеткой, по детски подвязанной вокруг шеи, пропуская булькающий суп в свою гортань. Другой выплевывая что-то на тарелку: полупрожеванный хрящ: зубов нет, нечем жеважеважевать. Подошва поджаренная на рашпере. Давится, чтоб поскорей. Угрюмые глаза пьяницы. Много откусил, не прожевать. Неужели я такой? Посмотри на себя со стороны. Пусто в брюхе, сам не в духе. Работают не за страх а за совесть. Стой! А! Кость попалась! Последний ирландский король-язычник Кормак, из хрестоматии, подавился на смерть в Слетти, к югу от Бойна. Интересно, что он ел. Уж верно какие-нибудь деликатессы. Святой Патрик обратил его в христианство. А всетаки подавился.

— Ростбиф с капустой.

— Одно рагу.

Запахи мужчин. Его затошнило. Заплеванные опилки, сладковатый тепловатый папиросный дым, вонь табачной жвачки, пролитое пиво, пропитанная пивом моча, затхлость гниения.

И куска бы не проглотил здесь. Один точит нож о вилку, готовится с'есть все что перед ним, старик ковыряет в дуплах. Легкая отрыжка, по горло, жует жвачку. До и после. Молитва после еды. Посмотри-ка на этого и вот еще на того. Подбирает подливку кусочками корки. Вылизал бы языком, приятель! Скорей отсюда!

Он обвел взглядом едоков за столиками и на стульях, сжимая ноздри.

— Два портера сюда.

— Одна солонина с капустой.

Вон этот запихивает в рот полный нож капусты, спешит, как будто жизнь его от этого зависит. Ловко попал. У меня от этого мороз по коже. Безопасней есть своими тремя руками. Рвать на части. Его вторая натура. Родился с серебряным ножом во рту. Это пожалуй остроумно. Или нет. Серебряный значит родился в богатстве. Родился с ножом. А тогда пропадает намек.

Мешковатый слуга собирал липкие стучащие тарелки. Рок, судебный пристав, стоя у стойки сдувал шапку пены со своей кружки. До краев полная: расплескалось, желтое, рядом с его башмаком. Один из обедающих, нож и вилка кверху, локти на столе, дожидаясь второго блюда, уставился на под'емник из кухни поверх закапанного квадрата своей газеты. Другой рассказывал ему что-то с набитым ртом. Сочувствующий слушатель. Застольная беседа. Я було думул он мул в Бунке. Вот как? Неужели? М-р Блум нерешительно поднял два пальца к губам. Глаза его сказали.

— Здесь нет. Не вижу его.

Скорей отсюда. Терпеть не могу, когда неряшливо едят.

Он попятился к дверям. Закушу слегка у Дэви Бирна. Червячка заморить. Для поддержания сил. Позавтракал сытно.

— Жаркое и пюре сюда.

— Пинту портера.

Все вцепились в свои тарелки, не оторвешь. Жевок. Глоток. Жевок. Жратва.

Он вышел на чистый воздух и повернул назад, к Графтон-стрит. Ешь или тебя с'едят. Убивай! Убивай!

Представить себе общую кухню. Все бегут рысью, подставляют миски и судки. Пожирают содержимое на улице. Джон Хоуард Парнелль например ректор Тринити, каждая живая душа не говоря уже о ваших ректорах, и ректор Тринити, женщины и дети, извозчики, патеры, пасторы, фельдмаршалы, архиепископы. С Эйлсбери-род, с Клайд-род, из рабочих кварталов, из Дублинского дома Призрения, лорд мэр в своей пряничной карете, старая королева в кресле на колесиках. А теперь положите мне. После вас, из нашей паевой кружки. Как у фонтана сэра Филиппа Крэмптона. Сотри микробы твоим платком. А следующий вотрет новую порцию своим. Отец О'Флинн всех их поднял бы

на смех. И все равно скандалы. Все для собственной персоны. Дети дерущиеся за оскребки в горшке. Понадобится суповой горшок величиной с Феникс-парк. Выуживать из него окорока и ростбифы. Ненавижу когда много народу. В Сити Армс Отеле она это называла табльдот. Суп, мясо и сладкое. Никогда не знаешь, чьи мысли жуешь. А кто станет мыть все тарелки и вилки? Возможно все будем питаться пилюлями? Зубы все хуже и хуже.

В конце концов есть что-то в этом вегетарианстве, тонкий вкус плодов земли, от чеснока конечно воняет итальянцами-шарманщиками, хрусткий лук, грибы, трюфели. К тому же животным больно. Ощипывают и потрошат птицу. Несчастное животное на скотном рынке ожидающее, когда резак раскроит череп. Муу. Бедные дрожащие телята. Недельный теленок. Рубленое мясо. Радужные блики в лоханях мясников. Сними-ка этот кусок грудинки с крюка. Шлеп. Череп и окровавленные кости Ободранные овцы с остеклянелыми глазами висят вниз головой, с овечьих морд в кровавой бумаге каплет красный сок на опилки. Требуху вынимают. Не испорти туши, малец.

Теплую свежую кровь прописывают от чахотки. Кровь всегда нужна. Предательская болезнь. Лижи ее, дымящуюся, теплую, густую как патока. Оголодавшие духи.

Ах, есть хочется.

Он вошел к Дэви Бирну. Приличный бар. Не болтает. Иной раз выставит угощение. Но в високосный год раз в четыре. Как-то раз инкассировал мой чек.

Чего же мне взять? Он вынул часы. Позвольте, надо подумать. Лампопо?

— Хэлло, Блум! сказал Носастый Флинн из своего уголка.

— Хэлло, Флинн.

— Как дела?

— Как нельзя лучше. Позвольте. Я возьму стакан бургундского и... позвольте.

Сардины на полках. Вкус почти чувствуется на взгляд. Сэндвич? Ветчина и ее потомство местного изделия. Консервы из мяса. Что дом где не знают консервы Ренклод? Урод. Какое глупое объявление. Загнали под извещения о смерти. Висят на дереве. Консервы из мяса Дигнэма. Людоеды бы его с лимоном и рисом. Белый миссионер слишком соленый. Как свинина в маринаде. Надо полагать вождь с'едает архиепископский кусочек. Жестковат должно быть от сидячего образа жизни. Его жены сидят рядом, смотрят что будет. Негритянский царек с берегов реки Нигера. От'ел нечто его преподобию Триггеру. Где знают блаженства приют. Чего тут только не намешано. Брюшина, гнилая требуха, горло, изрубленное и сдобренное чем-нибудь. Загадка, а где же мясо. Кошер. Не есть мясного с молочным. Теперь это назвали бы гигиеной. Пост в Иом Кипур весеннее очищение изнутри. Война и мир зависят от чьего-нибудь пищеварения. Религии. Рождественские индейки и гуси. Избиение младенцев. Ешь, пей и веселись. А потом все приемные покои переполнены. С обвязанными головами. Сыр переваривает все кроме самого себя. Молодец сыр.

— Есть у вас сэндвичи с сыром?

— Да, сэр.

Хорошо бы еще маслин, если у них есть. Предпочитаю итальянские. Добрый стакан бургундского: смоет это. Смазка. Вкусный салат, свеженький как огурчик. Том Кернен умеет его заправлять. И с душой делает. Чистое прованское масло. Милли подала мне ту котлету с зеленью петрушки. Взять одну испанскую луковицу. Бог сотворил пищу, дьявол — поваров. Крабы а-ля-дьябль.

— Жена здорова?

— Да, благодарю. Значит, сэндвич с сыром. Есть у вас горгонцола?

— Да, сэр.

Носастый Флинн прихлебывал грог.

— Выступает сейчас где-нибудь?

Ну и рот у него. Может насвистывать себе в ухо. И вислоухий к тому же. Музыка. Смыслит как свинья в апельсинах. А все-таки лучше сказать ему. Не повредит. Даровая реклама.

— Она приглашена в большое турнэ в конце месяца. Может быть слыхали.

— Нет. Вот это здорово. А чья антреприза?

Официант подал сэндвич.

— Сколько с меня?

— Семь пенсов, сэр... Благодарю вас, сэр.

Мистер Блум нарезал свой сэндвич тонкими полосками. Негритянский царек с реки Нигера. Куда понятней чем туманное, сонное. И пятьсот своих жен. Ублажал часто он.

— Горчицы, сэр.

— Благодарю вас.

Он капнул под каждую приподнятую полоску желтую каплю. Ублажал часто он. Вспомнил. Негритянский царек с реки Нигера.

— Чья антреприза? сказал он. Видите ли, это как бы на паях. Доля в издержках и доля в прибыли.

— Да, теперь вспоминаю, сказал Носастый Флинн, запуская руку в карман и почесывая в паху. Кто же это мне рассказывал? Кажется Горячка Бойлан тоже там?

Легкий ожог горчицы щипнул мистера Блума за сердце. Он поднял глаза и встретил взгляд желчных часов. Два. Часы в баре на пять минут спешат. Время идет. Стрелки движутся. Два. Еще нет. Под ложечкой у него заныло, екнуло, заныло тягуче, томительно.

Вино.

Он смакуя отхлебнул радушного сока, и, заставив свое горло проглотить его, осторожно поставил стакан.

— Да, сказал он. В сущности он организатор.

Не страшно. Не умен.

— Ему здорово повезло, я слышал от Джека Муни, в том матче бокса, когда Майлер Кеог опять побил того солдата из казарм Портобелло. Клянусь богом, он держал своего голубчика в округе Карлоу, сам мне рассказывал...

Надеюсь, эта капля не попадет ему в стакан. Нет, втянул обратно.

— Почти целый месяц, до поры до времени. Держал его на манной кашке, клянусь богом, впредь до распоряжений. Подальше от бутылки, понимаете? О, клянусь богом, Горячка парень не промах.

Дэви Бирн вышел из-за стойки бара с засученными рукавами, утерев губы двумя взмахами салфетки. Щучий оскал. Улыбка на лице сияет и чем-то таким полна. Слишком много масла в пастернаке.

— А вот и он, собственной персоной, сказал Носастый Флинн. А нука посоветуйте, кто возьмет Золотой кубок?

— Я этим не занимаюсь, мистер Флинн, ответил Дэви Бирн. Никогда не ставлю на лошадей.

— И хорошо делаете, сказал Носастый Флинн.

Мистер Блум ел полоски сэндвича, свежий белый хлеб, смакуя с отвращением, острая горчица, запах ног от зеленого сыра. Глотки вина нежили его нёбо. Это не кампеш. Больше чувствуется букет в такую погоду, когда не холодное.

Приятный тихий бар. Приятное дерево на этой стойке. Приятно отделано. Мне нравится этот изгиб.

— Вот уже не стал бы этим заниматься, сказал Дэви Бирн. Многие разорились до тла на этих самых лошадях.

Состязаются в этом с виноторговцами. Дозволяется продажа пива, вина и водок распивочно и на вынос. Орел мой выигрыш, решка твой проигрыш.

— Ваша правда, сказал Носастый Флинн. Другое дело, если знаешь наверняка. Теперь ведь нет настоящих честных скачек. У Ленехэна есть верные лошадки. Сегодня он ставит на «Скипетр». Фаворит «Цинфандель», лорда Хоуарда де Валден, победитель на Ипсомских. Жокей Морни Кэннон. А две недели назад я мог бы получить семь за один на Сент-Амана.

— Вот как? сказал Дэви Бирн.

Он отошел к окну и, взяв приходо-расходную книгу, начал просматривать ее.

— Честное слово, мог бы, сказал Носастый Флинн, шмыгая носом. Лошадь редкая. От Сен-Фрускина. В грозу пришла первая, Ротшильдова кобылка, с ватой в ушах. Камзол синий, картуз желтый. Не повезло большому Бену Долларду и его Джону О'Гоонт. И меня с толку сбил. Да.

Он безропотно пил из своей кружки, проводя пальцами вдоль желобков.

— Да, сказал он, вздыхая.

Мистер Блум стоял жуя, смотря на его вздох. Носастый олух. Сказать ему какую лошадь Ленехэн? Знает уже. Лучше бы он позабыл. Пойдет еще проиграет. Дурак со своей казной. Опять

капля повисла. Нос должно быть холодный, когда целует женщин. А может быть им и нравится. Колючие бороды нравятся. Холодные собачьи носы. Старая миссис Райордэн в Сити Армс Отеле, у скай-терьера урчит в животе. Молли держит его на коленях, гладит. У-ти какой песик, гаугаугау!

Вино пропитало и размягчило комок хлёбного мякиша, горчицы, на мгновенье противного сыра. Приятное вино. Лучше чувствую букет оттого, что нет жажды. Это конечно от ванны. Так только, перекусить. А потом, часов в шесть, можно. Шесть, шесть. Тогда все кончится. Она...

Мягкий огонь вина воспламенил его кровь. Этого-то мне и не хватало. Чувствовал себя из рук вон плохо. Глаза его неголодно оглядывали ряды жестянок, сардины, яркие клешни омара. Отыскивают повсюду всякую дрянь себе в пищу. Из раковин, моллюсков булавкой, с деревьев, с земли улиток, что едят французы, из моря приманкой на крючке. Глупая рыба, за тысячу лет ничему не научилась. Если бы не знал что можно и чего нельзя, и куска не решился бы в рот взять. Ядовитые плоды. Волчьи ягоды. Округлость привлекает. Яркий цвет отпугивает. Один сказал другому и пошло дальше. Испытаю сначала на собаке. Судят по запаху и виду. Соблазнительный плод. Мороженое. Сливки. Инстинкт. Апельсинные рощи например. Нуждаются в искусственном орошении · Блейбтрейштрассе. Да, ну а как же устрицы? Неаппетитны, точь в точь сгусток мокроты. Раковины в грязи. Открывать их тоже возни до чорта. Кто это их выдумал? Питаются отбросами, помоями. Устрицы с отмелей Физз и Ред. Действуют на половой. Возбужда. Он был в Ред-банке сегодня утром. Может быть он старый хрен за едой. А может быть он в постели герой. Нет. В июне нет р не бывает устриц. А некоторые любят дичь с душком. Рагу из зайца. Сначала надо поймать зайца. В Китае едят яйца пятидесятилетней давности, голубовато-зеленые внутри. Обед из тридцати блюд. По отдельности каждое блюдо безвредно, а когда смешаются в желудке. Вот вам и таинственное отравление. Кто это, эрцгерцог Леопольд, что ли? Нет. Да, или Оттон, словом какой-то из Габсбургов. Кто же это из них ел перхоть с собственной головы? Самый дешевый завтрак. Уж эти аристократы. А потом другие подражают, чтобы не отстать от моды. Милли тоже, керосин и муку. Сырое тесто я и сам люблю. Половину улова устриц выбрасывают обратно в море, чтобы цены не падали. Дешево. Никто не станет покупать. Икра. Разыгрывают вельмож. Рейнвейн в зеленых бокалах. Пускают пыль в глаза. Лэди какая-то. Напудренная грудь, жемчуга. Избранное общество, crême de la crême[1]. Требуют особые блюда, а то никто не поверит, что они. Отшельник с горсточкой гороха умерщвляет плоть. Чтобы узнать меня, раздели со мной трапезу. Королевский осетр. Главный шериф, Коффи, мясник, разрешение охотиться на оленей от его сия. Отдавать ему половину туши. Видел как готовится званый обед у председателя суда на кухне. Повар в белой шапке, точно раввин. Опаленные утки. Кудрявая капуста а ля дюшесс де Парм. Так бы и писали в меню, чтобы знать что ешь, насуют неведомо чего, только кушанье портят. Я и сам знаю. Приправляют сухим бульоном Эдвардса. Гусей для них закармливают до одурения. Омаров варят живьем. Пожалуйста скушайте кусочек куропатки. Недурно бы служить официантом в шикарном ресторане. Чаевые, фрак, полуголые дамы. Разрешите вам предложить еще кусочек этого филе из камбалы, мисс Дюбеда? Я бы, да. Конечно, она бы да. Гугенотская фамилия по-моему. Какая-то мисси Дюбеда жила в Киллини, я помню. Du, de la, по-французски. А все-таки это только рыба, может быть старый Микки Хэнлон с Мур-стрит потрошил ее, богатея на всех парах, запустив руки в рыбьи жабры, еле-еле может вывести фамилию на чеке, рот скривит как будто картину губами пишет. М-мууики Хаэ Хэ. Чурбан неотесанный, а нажил пятьдесят тысяч фунтов.

Сцепившись на стекле две мухи жужжали, сцепившись.

Жаркое вино задерживалось на его нёбе, проглоченное. Давильные прессы

[1] Сливки общества (франц.).

давят в Бургундии гроздья. Солнечный зной в нем. Как будто тайное прикосновение говорит мне. Его чувства, увлажненые прикосновением, вспоминали. Укрывшись в зарослях папоротника на Хоуте. Под нами залив спящее небо. Ни звука. Небо. Залив лиловый у Львиной Головы. Зеленый у Друмлека. Желто-зеленый к Сэттону. Подводные поля, слабо темнеющие линии среди травы, затонувшие города. Подложив мое пальто, она распустила волосы, уховертки среди вереска щекотали мою руку под ее затылком, ты меня всю изомнешь. О боже! Прохладно-мягкая от втираний ее рука касалась меня, ласкала: глаза ее смотрели на меня, не отворачиваясь. Восхищенный я лежал, полные губы полно раскрыты, целовал ее рот. Йюм. Мягко она вложила мне в рот печенье теплое пережеванное. Приторная кашица, изжеванная ее ртом, сладкая кисловатая от слюны. Радость: я с'ел его: радость. Юная жизнь, протянутыми губами вложила мне в рот. Мягкие, теплые, липкие, клейкосладкие губы.

Цветы были ее глаза, возьми меня, уступающие глаза. Сыпались камешки. Она лежала неподвижно. Коза. Ни души. Среди рододендронов Бен Хоута на круче уверенно расхаживала коза, роняя орешки. Скрытая под папоротниками она смеялась, теплая в об'ятиях. Буйно я целовал ее; глаза, ее губы, напрягшуюся шею с бьющейся жилкой, женские груди полные под вуалевой блузкой, плотные торчащие соски. Горячо я ласкал их. Она целующая меня. Я целуемый ею. Вся покорная, она трепала мои волосы. Целуемая, она целовала меня.

Меня. А теперь меня.

Сцепившись мухи жужжали.

Его опущенные глаза следили за немыми прожилками дубовой доски. Красота: она в изгибах: изгибы это красота. Стройные богини, Венера, Юнона: изгибами их тел восхищается мир. Можно бы посмотреть на них в библиотеке, музей, стоят в круглом зале, голые богини. Помогает пищеварению. Им все равно кто бы на них ни смотрел. Все видно. Ничего не говорят, я хочу сказать, таким как этот Флинн. А вдруг она как Галатея с Пигмалионом, что бы она сказала? Смертный! Сразу поставила бы на место. Хлещут нектар вместе с богами, золотые блюда, все на амброзии. Не то что у нас завтрак за шесть пенсов вареная баранина, морковь и репа, бутылка пива. Нектар, вообразить только пить электричество: пища богов. Красивые женские формы, скульптурные, Юноны. Бессмертная красота. А мы суем пищу в одно отверстие, а из другого выходит, пища, соки, кровь, помет, земля, пища: приходится подкладывать топливо как в машину. У них нет. Никогда не смотрел. Сегодня посмотрю. Сторож не заметит. Наклониться будто поднимаю что нибудь, посмотреть, есть ли у нее.

Просачиваясь тихая весть из пузыря дошла до итти сделать не здесь туда сделать. Чувствуя себя мужем и готовый, он осушил свой стакан до дна и вышел, смертным мужам они тоже отдавались, сознавая мужественным, возлежали с возлюбленными, юноша наслаждался ею, во двор.

Когда скрип его башмаков затих Дэви Бирн сказал, не отрываясь от книги:

— Чем он занимается? Не по страховой части?

— Давно уже это оставил, сказал Носастый Флинн. Работает по сбору об'явлений для «Фримэна».

— По виду я его хорошо знаю, сказал Дэви Бирн. У него что-нибудь случилось?

— Случилось? сказал Носастый Флинн. Не слыхал. А что?

— Я заметил, что он в трауре.

— Разве? сказал Носастый Флинн. Да, да, верно. Я спросил его, как у него дома. Вы правы, клянусь богом. Да, да.

— Я этой темы никогда не касаюсь, сказал Дэви Бирн гуманно, если вижу, что с джентльменом случилось что-нибудь такое. Только растравлять их горе.

— Это не жена во всяком случае, сказал Носастый Фринн. Я встретил его третьего дня, он выходил из этой ирландской молочной, что держит жена Джона Уайз Нолэна на Генри-стрит, с кувшинчиком сливок, нес его домой своей дражайшей половине. Отлично

упитана, скажу я вам. Разве птичьего молока не хватает.

— А он хорошо зарабатывает в «Фримэне», спросил Дэви Бирн.

Носастый Флинн поджал губы.

— Сливки он покупает не на доходы от об'явлений. Этого хватит разве на грудинку.

— А что? — спросил Дэви Бирн отрываясь от книги.

Носастый Флинн проделал быстрые пассы жонглирующими руками. Он подмигнул.

— Он состоит в братстве, сказал он.

— Что вы говорите? сказал Дэви Бирн.

— Ну еще бы, сказал Носастый Флинн. Старинный вольный и тайный орден. Свет, жизнь и любовь, клянусь богом. Они его продвигают. Мне это говорил, э-э..., впрочем, не могу сказать кто.

— В самом деле?

— О, замечательное братство, сказал Носастый Флинн. Стоят за своих, когда они в беде. Я знал одного, который пробовал к ним пролезть, да куда там, держатся замкнуто. Клянусь богом, правильно делают, что не принимают женщин.

— Дэви Бирн зевнулулыбнулсякивнул — все сразу.

— Иииииххэээх!

— Была одна женщина, сказал Носастый Флинн, так она спряталась в стенные часы, разузнать, что они делают. Не тут то было, они ее учуяли и сразу посвятили в мастера ложи. Это была Донерайльская ложа в Сент-Леджере.

Дэви Бирн, пресыщенный своим зевком, сказал с омытыми слезой глазами:

— В самом деле? Приличный тихий человек. Я часто вижу его здесь, и знаете ли, ни разу не видел, чтоб он выпил лишнее.

— Сам господь всемогущий не смог бы его напоить, сказал Носастый Флинн убежденно. Скрывается потихоньку, когда начинают веселиться вовсю. Разве вы не заметили, как он смотрел на часы? Ах да, вас не было. Если вы приглашаете его выпить, он первым долгом смотрит на часы, полагается ему в это время пить или нет. Бог свидетель, он всегда так делает.

— Бывают такие люди, сказал Дэви Бирн. Он человек осторожный, скажу я вам.

— Не плохой парень, сказал Носастый Флинн, втягивая каплю. Говорят, при случае и других из беды выручал. Надо отдать ему должное. Нет, у Блума есть свои хорошие стороны. Одного только он никогда не сделает.

Его рука нацарапала подпись рядом со стаканом грога.

— Понимаю, сказал Дэви Бирн.

— Черным по белому никогда, сказал Носастый Флинн.

Вошли Падди Леонард и Бэнтам Лайонс. Том Рочфорд следовал за ними, поглаживая рукой свой жилет винного цвета.

— Здрасте, мистер Бирн.

— Здрасте, джентльмены.

Они остановились у стойки.

— Чья очередь угощать? спросил Падди Леонард.

— Я свою уступаю, ответил Носастый Флинн.

— Ну, чем вас угостить? спросил Падди Леонард.

— Мне инбирного лимонада, сказал Бэнтам Лайонс.

— Что с вами? воскликнул Падди Леонард. С каких это пор, ради бога? А вам чего, Том?

— Как идут осушительные работы? спросил Носастый Флинн, потягивая грог.

Вместо ответа Том Рочфорд прижал руку к груди и икнул.

— Не будете ли вы так добры дать мне стакан холодной воды, мистер Бирн? сказал он.

— Конечно, сэр.

Падди Леонард оглядел своих собутыльников.

— Господи помилуй, сказал он, вы только посмотрите, что мне приходится ставить! Водичку из под крана и лимонад! И ведь народ такой, что не побрезговали бы из грязной лужи налакаться спирту. Боится разболтать какую лошадку себе наметил для Золотого кубка. И ни гу-гу.

— Цинфандель, что ли? спросил Носастый Флинн.

Том Рочфорд высыпал порошок из сложенной бумажки в свой стакан воды.

— Не варит, проклятый, сказал он прежде чем выпить.

— Сода очень помогает, сказал Дэви Бирн.

Том Рочфорд кивнул и выпил.

— Так значит Цинфандель?

— Помалкивайте, подмигнул Бэнтам Лайонс. Собираюсь своих кровных пять шиллингов поставить.

— Скажите-ка нам, если вы не даром хлеб едите, и ступайте к чорту, сказал Падди Леонард. Кто вам посоветовал?

Мистер Блум выходя поднял три пальца в знак привета.

— До скорого, сказал Носастый Флинн.

Остальные обернулись.

— Этот самый мне и посоветовал, шепнул Бэнтам Лайонс.

— Пфф! сказал Падди Леонард презрительно. Мистер Бирн, теперь мы возьмем два маленьких стаканчика виски и...

— Инбирный лимонад, прибавил Дэви Бирн вежливо.

— Да, сказал Падди Леонард. Сосочку для деточки.

Мистер Блум шел к Доусон-стрит, языком облизывая начисто зубы. Для этого нужна какая-нибудь зелень: скажем, шпинат. А тогда рентгеновскими лучами можно было бы.

Возле Дьюк-Лэйн прожорливый терьер выхаркнул непрожеванный комок жвачки на камни мостовой и подлизал с новым удовольствием. Излишества. Возвращаю с благодарностью, переварив содержимое без остатка. Вкусно и аппетитно. Мистер Блум обошел с осторожностью. Жвачное. Его второе блюдо. Двигают верхней челюстью. Интересно, сделает Том Рочфорд что-нибудь со своим изобретением. Потеря времени об'яснять этому ротозею Флинну. Тощие люди — большие рты. Нужно бы какую-нибудь залу, место, где изобретатели собирались бы и изобретали себе на досуге. Правда тогда и от маньяков отбою не будет.

Он напевал, сопровождая торжественным эхо последние такты:

Don Giovanni, a cenar teco M'invitasti.

Чувствую себя лучше. Бургундское подбодряет. Кто первый гнал вино? Хандра напала вот и выдумал. Пьяному море по колено. Теперь в библиотеку, посмотреть «Килькеннийского гражданина».

Чистые унитазы без сидений, ожидающие, в витрине Уильяма Миллера, все для канализации, вернули его мысли назад. Да, можно было бы: и проследить весь путь, иногда проглотят булавку, а через много лет выходит между ребрами, турнэ по всему телу, закупоривает желчный канал, печень всасывающая желчь, желудочный сок, кольца кишечника точно трубы. Только пришлось бы бедняге все время стоять с внутренностями напоказ. Наука.

— А cena кесо.

Что значит это самое teco[1]? Может быть «сегодня».

Дон Жуан, ты сегодня
На ужин меня пригласил.
Та там та та там.

Что-то не получается.

Клютчей: на два месяца если уговорю Наннетти. Это будет два фунта десять, или нет два фунта восемь. Три мне должен Хайнс. Два одиннадцать. Об'явление Прескотта. Два пятнадцать. Около пяти гиней. С паршивой овцы.

Можно бы купить шелковую нижнюю юбку для Молли, цвета ее новых подвязок.

Сегодня. Сегодня. Не думать.

А потом с'ездить бы на юг. А как насчет английских курортов? Брайтон, Маргэйт. Мол при луне. Ее голос парящий. Милые девушки взморья. Возле бара Джона Лонга какой-то сонный ротозей, угрюмо задумавшись, грыз заскорузлый палец. Мастер на все руки ищет работы. За небольшое вознаграждение. Готов питаться чем угодно.

Мистер Блум взглянул на витрину кондитерской Грея с нераспроданными тортами и прошел мимо книжной лавки его преподобия Томаса Конеллэна. *Почему я оставил римско-католическую церковь?* Родное гнездо. Женщины за ним бегают. Говорят они давали детям нищих суп, чтобы обратить их в протестанство когда был картофельный голод. А вон напротив, туда еще папа ходил, общество для обращения бедных евреев. Та же приманка. Почему

[1] С тобой (итал.).

мы оставили римско-католическую церковь?

Слепой юноша стоял постукивая по краю тротуара своей тонкой тростью. Трамваев не видно. Хочет перейти.

— Вы хотите перейти? спросил мистер Блум.

Слепой юноша не ответил. Его замурованное лицо слабо нахмурилось. Он неуверенно шевельнул головой.

— Вы сейчас на Доусон-стрит, сказал мистер Блум. А напротив Молсворт-стрит. Вы хотите перейти? Путь свободен.

Трость дрожа передвинулась влево. Глаза мистера Блума следили за ней и снова увидели фургон красильной, остановившийся перед магазином Дрэго. Вот здесь я видел его напомаженные волосы как раз когда я. Лошадь дремлет. Возница у Джона Лонга. Промочить горло.

— Тут есть фургон, сказал мистер Блум, но он стоит. Я переведу вас. Вам нужно на Молсворт-стрит?

— Да, ответил юноша. На Соут-Фредерик-стрит.

— Пойдемте, сказал мистер Блум.

Он осторожно дотронулся до острого локтя: потом взял вялую видящую руку, чтобы вести ее вперед.

Сказать ему что-нибудь. Только не снисходительным тоном. Недоверчиво слушают, когда им говоришь. Что-нибудь безразличное.

— А дождь-то перестал.

Молчание.

Пятна на пиджаке. Должно быть роняет когда ест. Все для него имеет другой вкус. Сначала приходится кормить с ложечки. Точно рука ребенка его рука. Как была у Милли. Восприимчивая. Верно судит обо мне по моей руке. Интересно есть у него имя. Фургон. Осторожней как бы он не задел ног лошади своей тростью, заморенная кляча, вздремнуть на досуге. Вот так. Осторожней. Быка сзади: лошадь спереди.

— Благодарю вас, сэр.

Знает, что я мужчина. По голосу.

— Теперь найдете? Первый поворот налево. Слепой юноша постукал по краю тротуара и пошел своей дорогой, водя тростью, снова нащупывая.

Мистер Блум шел позади безглазых ног, плохо скроенный костюм серый в елочку. Бедный малый! Как он узнал, что там стоит фургон? Должно быть почувствовал. А может быть они все видят шестым чувством. Что-то вроде чувства об'ема. Ну а заметит ли он, если что-нибудь станет легче. Почувствует пустоту. Странное он должен иметь представление о Дублине, выстукивая тростью дорогу по камням. А мог бы он итти по прямой линии без трости? Бескровное постное лицо точно собирается быть пастором.

Пенроз! Вот как того звали.

А ведь их многому можно выучить. Читать пальцами. Настраивать пианино. А мы еще удивляемся, что у них вообще есть мозги. Почему мы считаем, что горбун или калека умен, если он скажет что-нибудь такое, что мы сами могли бы сказать. Конечно, другие чувства более. Вышивать. Плести корзины. Им бы надо помогать. Рабочую корзинку я мог бы купить Молли ко дню рождения. Терпеть не может шить. Пожалуй обидится. Темные люди, так их зовут.

Обоняние тоже должно быть острее. Запахи со всех сторон целым букетом. Каждый человек пахнет. Потом весна, лето: запахи. Вкусы. Говорят, что вкус вина не чувствуешь с закрытыми глазами или когда насморк. И курить в темноте говорят тоже никакого удовольствия.

Или например с женщиной Бесстыдней, когда не видишь. Вот та девушка проходит мимо Института Стюарт, задрав голову. Посмотри на меня. Какая я нарядная. Должно быть странно не видеть ее. Что-то смутное представляется ему. Голос, теплота, когда он прикасается к ней пальцами, должен почти видеть линии, изгибы. Его руки на ее волосах, например. Скажем черные, например. Хорошо. Мы называем это черное. Потом переходит к ее белой коже. Может быть другое ощущение. Ощущение белого.

Почта. Нужно ответить. И так устал сегодня. Послать ей по почте переводом два шиллинга ну два с половиной, полкроны. Примите этот маленький подарок. Кстати и писчебумажный магазин рядом. Погоди. Надо обдумать.

Осторожным пальцем он очень медленно провел по волосам, зачесанным

назад над ушами. Еще раз. Волокна тонкой тонкой соломы. Потом палец осторожно ощупал кожу на правой щеке. И там тоже пушок. Не такая гладкая. На животе всего глаже. Никого нет. Вот он сворачивает на Фредерик-стрит. Должно быть к Левенстону в танцкласс, пианино. А может быть я подтяжки поправляю.

Проходя мимо пивной Дорэна он засунул руку между жилетом и брюками и осторожно отодвинув рубашку нащупал дряблую складку живота. Я и так знаю желтовато-белая. Надо попробовать в темноте поглядеть.

Он вынул руку и оправил одежду.

Бедняга! совсем еще мальчик. Ужас. Просто ужас. Что может ему сниться, незрячему? Жизнь для него сон. Где же справедливость, родиться вот таким? А те женщины и дети, экскурсия с даровым угощением, сгорели и утонули в Нью-Йорке, Гекатомба. Они называют это карма переселение душ за грехи в прошлой жизни, перевоплощение, не там все козы. Боже мой, боже мой. Жаль их конечно; а все-таки другим с ними трудно.

Сэр Фредерик Фолкинер входящий в залу масонских собраний. Величественный как монумент. После плотного завтрака на Эрлсфорт-террес. Старые приятели законники распивают бутылочку. Россказни о суде и присяжных, летописи старой Лондонской школы. Я ему закатил десять лет. Должно быть того вина, что я пил, он и в рот не возьмет. Им подавай старое винцо, год проставлен на запыленной бутылке. У него свое представление о справедливости в городском суде. Благодушный старик. Папки, битком набитые полицейскими протоколами, получают известный процент фабрикуя преступления. Посылает их ко всем чертям. С ростовщиками сущий дьявол. Дал Дж. Рувиму хороший нагоняй. Но он в самом деле настоящий Шейлок. Власть у этих судей. Старые сухари в париках, пьяницы. Медведь с занозой в лапе. И да помилует господь твою душу.

Ага, афиша. Благотворительный базар. Его сиятельство лорд наместник. Сегодня шестнадцатое. Сбор в пользу больничного фонда. «Мессию» в первый раз исполняли с этой целью. Да. Гендель. Не зайти ли туда. Боллсбридж. Забежать насчет Ключей. Что толку липнуть к нему как лишай. Портить отношения. Наверно хоть кто-нибудь найдется знакомый при входе.

Мистер Блум вышел на Килдэр-стрит. Сначала нужно. Библиотека.

Соломенная шляпа в солнечном свете Желтые башмаки. Подвернутые брюки. Это. Это.

Сердце его чуть дрогнуло. Направо. Музей. Богини. Он свернул направо.

Разве это? Да, почти наверно. Не стану смотреть. Покраснел от вина. И зачем я? Слишком крепкое. Да, это он. Походка. Не видеть. Не видеть. Скорей.

Направляясь к воротам музея большими легкими шагами, он поднял глаза. Красивое здание. По проекту сэра Томаса Дина. Не идет за мной7

Может быть не видел. Свет ему в глаза.

Учащенное дыхание вырывалось короткими вздохами Скорей. Холодные статуи: там тихо. Через минуту спасен.

Нет, не видел меня. Третий час. У самого входа.

Сердце!

Его глаза, мигая, пристально смотрели на кремовые изгибы камня. Сэр Томас Дин, это греческая архитектура.

Куда же я девал?

Его торопливая рука быстро нырнула в карман, вынула прочитанную развернутую Агенда Нетаим. Куда же я?

Занят поисками.

Он быстро сунул назад Агенда.

Она сказала днем.

Я ищу это. Да, как его. Во всех карманах. Платок. *Фримэн*. Куда же я? Ах, да. В брюки. Кошелек. Картофелина. Куда же я?

Скорей. Итти спокойно. Еще секунда. Сердце.

Рука его искавшая куда же я девал нащупала в заднем кармане мыло надо зайти за лосьоном теплое приставшее к бумаге. А, мыло здесь! Да. Вход.

Спасен!

ПРИМЕЧАНИЯ

После сцены в редакции («И. Л.», 1936 г. № 1), в которой мистер Блум участвовал не на всем протяжении эпизода, а только в начале и в конце, — в восьмом эпизоде он выступает снова в качестве главного действующего лица. Подобно эпизодам 4, 5 и 6 («И. Л.», 1935, № 9—12), восьмой эпизод состоит почти целиком из внутреннего монолога Блума.

Техника внутреннего монолога постепенно усложняется по мере развертывания эпизодов, составляющих «день Блума». Ход мыслей Блума, вначале (4-й и 5-й эпизоды), относительно плавный и последовательный, становится все более отрывочным и алогичным. Для достижения этого эффекта Джойс широко пользуется здесь некоторыми приемами, появлявшимися в предыдущих эпизодах «Улисса» только случайно. Одним из таких приемов является параллельное развертывание двух рядов мыслей, связанных случайной ассоциацией: так, проходя мимо витрины магазина шелка, Блум вспоминает, что шелковая мануфактура была занесена в Англию гугенотами, изгнанными из Франции после отмены Нантского эдикта (1685); дальше в его внутреннем монологе параллельно развертываются две темы: хор из оперы Мейербера «Гугеноты» и поплин: «Гугеноты сюда занесли. La causa è santa. Тара-тара. Замечательный хор. Тара. Стирать в дождевой воде. Мейербер. Тара бом бом бом». Другой аналогичный прием можно назвать перебоем мысли: в последовательное развитие одной мысли вклинивается случайная ассоциация: так, мысль о поездке на обсерваторию в Дэнсинк около Дублина (механизм часов на морском агентстве «управляется по проводу из Дэнсинка») перебивается рядом отрывочных ассоциаций, связанных со словом «лесть»; после этого снова возвращается мысль о посещении профессора Джолли («не войти же и брякнуть»). Иногда «начало» мысли отделено от ее «конца» целыми абзацами, или даже несколькими страницами: в начале эпизода, перед встречей с миссис Брийн, Блум старается вспомнить фамилию одного из своих прежних знакомых («Пен, а дальше как Пенденнис?»); ему удается вспомнить ее только в конце эпизода, после встречи со слепым: «Пенроз! Вот как его звали».

Особенно часто пользуется Джойс в этом эпизоде приемом умолчания. Мысли Блума нередко даются отрывочно, так, как они возникают в сознании человека, не думающего ни о чем определенном. Джойс как бы предоставляет читателю самому заканчивать фразу, подставляя в нее недостающие элементы. Так, в укороченном виде дана пословица «Качество пудинга познается (в еде)», вспоминая серое платье своей жены, Блум говорит: «Как будто (я растянул сухожилие) от того (что она была в этом платье)» и т. п. Иногда такому укорочению подвергаются отдельные слова: «Несваре (ние)», «Говорит любить не бу(дут)», «Разрешение охотиться на оленей от его сия(тельства)».

Кроме этих мелких случаев, следует отметить одно умолчание, проходящее через весь эпизод. Блум все время возвращается к одной мысли, которую он не хочет допустить в свое сознание: это — мысль о любовнике своей жены. Хотя «Горячка» Бойлэн назван по имени всего один раз (и то не Блумом, а его собутыльником) «носастым» Флинном, он незримо следует за Блумом на протяжении всего эпизода. Первое упоминание о Бойлене — «А если он?..» и дальше ряд незаконченных фраз, смысл которых в том, что Блум думает, не болен ли он (Бойлэн) венерической болезнью; после встречи с Рэсселем Блум вспоминает прогулку с женой и с Бойлэном («По другую сторону он»); после разговора с Флинном Блум снова думает о предстоящем свидании своей жены с Бойлэном («Шесть, шесть. Тогда все кончится. Она..»); в следующем абзаце «Он был в Ред-банке сегодня утром», Блум вспоминает, как он по дороге на кладбище увидел Бойлэна из окна кареты (дальше: «Вот здесь я видел его напомаженные волосы как раз, когда я» — незаконченная фраза: «думал о нем»). И, наконец, в заключительной части эпизода Блум видит Бойлэна («Соломенная шляпа... Это. Это» — фрагмент фразы: «Это он») и скрывается от него в библиотеке; фраза: «Она сказала днем» становится понятной, если мы вспомним, что в четвертом эпизоде жена говорила Блуму, что днем к ней должен притти Бойлэн.

Второй момент, осложняющий понимание данного эпизода, — это обилие в нем намеков на предыдущие эпизоды. Мы укажем лишь на те из них, которые либо совсем непонятны вне контекста, либо проходят через весь эпизод. Так, фраза «Истину Ненавидящие...» — осмысление надписи на кресте — возвращает нас к пятому эпизоду. («И. Л.», 1935, № 10); «Вроде того священника сегодня утром» — оттуда же; «чего уж, если не мог вспомнить, как зовут дневного выпускающего» — намек на метранпажа Наннетти, фигурировавшего в седьмом эпизоде («Л. И.», 1936, № 1); упоминание о Джемсе Стивенсе, ирландском заговорщике, бежавшем из тюрьмы, раскрывает одно из «темных мест» четвертого эпизода (№ 9); оттуда же «Агенда Нетаим» — название сионистской организации, адрес которой — Берлин, Блейбтрейштрассе. К тому же эпизоду относятся выражение «не там все козы»; жена Блума нашла в книге слово «метампсихоз» и, обращаясь к мужу за раз'яснениями, прочла его неправильно (№ 9). Неоднократно вспоминает Блум письмо своей возлюбленной Марты Клиффорд (№ 10); проходя мимо «Ирландского Таймса» он думает о помещенном им в этой газете об'явлении, с которого началось их знакомство («нужна опытная машинистка...», дальше идет несколько слов из письма Марты); в конце эпизода, проходя мимо почты, он вспоминает, что ему нужно ответить на это письмо («Письмо. Нужно ответить»..). Разговор посетителей в баре Дэви Бирна напоминает о другой сцене из пятого эпизода. Подходя к аптеке, Блум встречает своего знакомого Лайонса, который просил у него газету, чтобы посмотреть, какие лошади будут бежать на приз

«Золотой кубок». Блум, передавая газету, говорит Лайонсу: «Я собирался бросить ее». Лайонс понимает эту фразу, как совет ставить на лошадь «Броский»; этот «совет», как мы узнаем из двенадцатого эпизода, доставит Блуму несколько неприятных минут.

Обилие намеков, недоговоренностей и сложных ассоциаций, затрудняющих понимание текста, до известной степени компенсируется тем, что в восьмом эпизоде почти нет цитат и упоминаний об исторических личностях и событиях. Из Шекспира даны две цитаты, причем одна из них — перевранная: «Гамлет, я твой отец, блуждать везде на время обреченный» (вместо «Блуждать во тьме навеки обреченный»); вторая цитата — «и сумасшествие у него методическое» — «Гамлет», д. 2, сцена 2. «Город уходит, другой город приходит» — трансформированная цитата из «Экклезиаста» («Род уходит, другой род приходит» и т. д.). «Дон Жуан, ты сегодня»... — ария командора из оперы Моцарта «Дон Жуан».

Дион Бусико (1820—1890) — ирландский драматург и актер. Томас Мур (1773—1852), мимо памятника которому проходит Блум, английский поэт, друг Байрона; Дублин — родина Мура. Тринити (сокращенное от «Тринити-колледж», колледж св. троицы) — дублинский университет; во время англо-бурской войны (1900) там имели место студенческие волнения, направленные против вдохновителя войны, столпа английского империализма, Джозефа Чемберлена (1836—1914); Де-Вет (1854—1922)— бурский генерал, герой англо-бурской войны.

Название восьмого эпизода по схеме гомеровских ассоциаций — «Лестригоны» («Одиссея», песнь десятая). Лестригоны — каннибальский народ, к которому Улисс попадает, покинув остров бога ветров Эола. Тема людоедства проскальзывает в цитируемом Блумом лимерике о «его преподобии Триггере». «Стержень» эпизода — мысли Блума о еде, преследующие его все время, даже после того, как он закусил в баре Бирна (богини у него «хлещут нектар вместе с богами» и т. п.). Отметим, что образы людей, упоминаемых Блумом, так или иначе ассоциируются с едой; у брата Парнелля «глаза в мешочек», у другого персонажа «глаза недоваренные», от миссис Брийн пахнет супом а-ля-тортю, и даже имя у одного из них съедобное: «доктор Сом».

Джемс Джойс

Перевод с английского И. РОМАНОВИЧА

Улисс

9

Учтивый, успокаивая их, библиотекарь-квакер промурлыкал:

— И мы имеем, не правда ли, бесценные страницы *Вильгельма Мейстера?* Великий поэт о великом брате-поэте. Колеблющаяся душа, что ополчается на море смут, разрываемая сомнениями, как в подлинной жизни.

Он сделал один шаг в синкапасе вперед воловьекожаными ногами со скрипом и один шаг назад в синкапасе по торжественному паркету.

Бесшумный помощник, слегка приоткрыв дверь, подал ему бесшумно знак.

— Сейчас, сказал он, со скрипом поворачиваясь, чтобы идти, однако же медля. Прекрасный бессильный мечтатель, терпящий неудачу при столкновении с жестокими фактами. Просто поразительно, до какой степени суждения Гете всегда правильны. Правильны при более глубоком анализе.

Тихо поскрипывая при анализе он в куранте отошел. Плешивый, полный рвения, у двери он подставил свое широкое ухо словам помощника; выслушал их: и был таков.

В остатке двое.

— Рона, усмехнулся Стефен, впадает в Средиземное море.

— Вы уже нашли шестерку бравых медикусов, с желчностью старшего спросил Джон Эглинтон, которые будут писать под вашу диктовку *Потерянный Рай?* Он зовет эту штуку *Скорбь Сатаны.*

Улыбнись. Улыбнись улыбкой Крэнли.

— Пожалуй для *Гамлета* вам понадобился-бы и еще один. Число семь дорого мистическому сознанию. Сияющая семерка, называет его У. Б.

Блескоокий, его краснобурый череп у зеленого колпака настольной лампы искал лицо, бородатое в зеленотемной тени, оллав, святоокое. Он тихо рассмеялся: смех студента Тринити: не получив ответа.

Рыдает сатана оркестровый навзрыд
Слезами ангелов
Ed egli avca del cul fatto trombetta [1]

Заложниками у него мои безумства.

Одиннадцать верных виклоусцев Крэнли, спасающих землю своих предков. Щербатая Кэслин, ее четыре прекрасных зеленых поля, чужестранец в ее доме. И еще один чтобы приветствовать его: ave rabbi [2]). Двенадцать из Тинахели. В тени горной долины он кличет их. Юность моей души я отдавал ему, вечер за вечером. Счастливый путь. Бог в помощь.

Маллиган получил мою телеграмму.

Безумство. Упорствуй.

— Нашим юным ирландским бардам, наставительно сказал Джон Эглинтон, еще предстоит создать образ, который мир поставит рядом с Гамлетом англосакса Шекспира, который впрочем во мне, как и в старике Бене, вызывает самое искреннее восхищение.

— Все эти вопросы представляют интерес чисто академический, изрек Рэссел из глубин своей тени. Я имею в виду спор о том, кто такой Гамлет,— сам Шекспир, или Иаков I, или Эссекс. Спор священников об историчности

---

1 Под редакцией Первого переводческого коллектива ССП.

1 Он сделал из зада трубу (итал.).
2 Привет тебе, учитель (лат.).

Иисуса. Искусство призвано раскрывать нам идеи, лишенные формы духовные сущности. Насколько глубок тот слой жизни, в котором берет истоки творение искусства,— вот первый вопрос, который мы должны задавать. Живопись Гюстава Моро — это живопись идей. Самые глубокие стихи Шелли, слова Гамлета, позволяют нашему сознанию приобщиться к вечной мудрости. Платоновский мир идей. Все остальное, это лишь умствования учеников для учеников.

А. Э., давая интервью какому-то янки, говорил. Убей меня бог!

— Все учителя были сначала учениками, сверхлюбезно сказал Стефен. Аристотель был некогда учеником Платона.

— Таким он и остался, надо думать, степенно сказал Джон Эглинтон. Так и видишь его, примерного ученика с дипломом под мышкой.

Он снова рассмеялся улыбающемуся теперь бородатому лицу.

Лишенные формы духовные. Отец, слово и святой дух. Отче наш, иже еси на небеси. Хиезос Кристос, маг красоты, логос, страдающий в нас каждое мгновение. Истинно так. Я есмь пламя на алтаре. Я есмь жертвенный маргарин.

Дэнлоп, судья, благороднейший римлянин из всех, А. Э., Арваль, неизреченное имя, в небесном свете, К. Х., их учитель, чья истинная сущность не тайна для посвященных. Братья великой белой ложи неусыпно наблюдают, смотрят, готовые помочь. Христос и его супруга-сестра, влага света, рожденная от приявшей дух девы, кающаяся софия, отбывшая в план будхи. Эзотерическая жизнь не для обычного человека. О. Ч. должен сначала изжить свою дурную карму. Миссис Купер Окли однажды сподобилась увидеть элементаль нашей прославленной сестры Е. П. Б.

Фи, как можно! Что вы! Pfui Teufel![1] Разве можно смотреть, мадам, ну разве можно, когда у лэди элементаль видно!

Вошел мистер Без, высокий, юный, легкий, мягкий. Он с грацией нес в руке блокнот, широкий, новый, чистый, яркий.

— Этот примерный ученик, сказал Стефен, счел бы размышления Гамлета о будущей жизни своей сиятельной души монологом неправдоподобным, незначительным и недраматичным, стольже плоским, как монологи Платона.

Джон Эглинтон, нахмурясь, сказал нагнетая гнев:

— Честное слово, у меня желчь разливается, когда кто-нибудь при мне сравнивает Аристотеля с Платоном.

— Который из них, спросил Стефен, изгнал-бы меня из своего идеального государства?

Вынь из ножен кинжалы своих определений. Стольность есть самость всех столов. Потокам стремлений и эонам они поклоняются. Бог: крик на улице: очень перипатетично. Пространство: то, что ты хочешь-нехочешь, а видишь. Сквозь пространства мельче красных шариков в крови человека они ползут на пузе вслед за ягодицами Блэйка в вечность, которой этот растительный мир лишь тень. Придерживайся того с е й ч а с, того з д е с ь, сквозь которое все грядущее проваливается в прошедшее.

Мистер Без подошел, любезный, к своему коллеге.

— Гэйнс ушел, сказал он.

— Вот как?

— Я показал ему книгу Жюбенвиля. Он, понимаете, в полном восторге от *Любовных Песен Коннахта,* изданных Хайдом. Он ни за что не хотел идти сюда и слушать спор. Он пошел к Гиллу покупать их.

Выходи, моя книжонка, ты на суд эстетов тонких.
Написал тебя в угоду
Я суровому народу
На английском, очень скучном языке неблагозвучном.

— Дым наших торфяных болот ударил ему в голову, высказался Джон Эглинтон.

Мы, англичане, чувствуем. Кающийся тать. Ушел. Я курил его махорку. Зеленый мерцающий камень. Смарагд, оправленный в кольцо морей.

— Никто не знает, как опасны могут быть любовные песни, оккультно предостерегла яйцевидная аура Рэссела. Силы, приводящие в движение мировые перевороты, рождаются из грез и виде-

---

[1] Фуй, чорт (нем.).

ний, что возникают в сердце крестьянина, сидящего на склоне холма. Для них земля, это не возделываемая почва, но живая мать. Разреженный воздух академий и арен порождает толстый роман и мюзик-холлную песенку, Франция породила тончайший цветок порока — Маллармэ, но откровение подлинной жизни, жизни гомеровых феакийцев, доступно лишь нищим духом.

От этих слов мистер Без повернул безобидное лицо к Стефену.

— Малларме, знаете, сказал он, написал чудесные стихотворения в прозе; Стефен Мак Кенна читал мне их в Париже. Там есть одно о Гамлете. Он говорит:

Il se promène, lisant au livre de lui-même[1], *читая книгу самого себя.* Он описывает постановку *Гамлета* в каком-то французском городе, понимаете, в провинции. На афише значилось.

Свободная рука его грациозно начертила в воздухе крошечные знаки.

HAMLET
ou
ZE DISTRAIT
Piece de Shakespeare[2]

Он повторил снова нахмурившемуся лбу Джона Эглинтона:

— Pièce de Shakespeare, понимаете. Это так по-французски, восприятие французов. Гамлет или...

— Или растяпа, докончил Стефен.

Джон Эглинтон рассмеялся.

— Да, пожалуй именно так, сказал он. Французы, конечно, народ замечательный, но в некоторых случаях они проявляют удручающую близорукость.

Пышное преувеличенное изображение убийств.

— Роберт Грин назвал его палачом души, сказал Стефен. Не зря он был сыном мясника, орудовавшего остроотточенным резаком, поплевывая себе на ладони. Девять жизней принес он в жертву за одну жизнь своего отца, отче нашего иже еси в чистилище. Гамлеты в хаки стреляют без колебаний. Кровавая бойня пятого акта — прообраз концентрационного лагеря, воспетого мистером Суинберном.

Крэнли, я его немой ординарец, издали следящий за битвами.

Злобных врагов наших жен и детей
Сами же мы пощадили!

Между улыбкой сакса и ржаньем янки. Сцилла и Харибда.

— Он утверждает, что *Гамлет*, это просто история с привидениями, пояснил Джон Эглинтон мистеру Безу. Как толстый парень в Пикквике, он хочет, чтобы мы оледенели от ужаса.

Слушай! Слушай! О слушай!

Моя плоть слышит его; леденея слышит.

Если ты хоть раз...

— Что такое привидение? сказал Стефен с заразительной энергией. Нечто превращенное в неосязаемое, смертью, отсутствием или переменой нравов. Елизаветинский Лондон был так же далек от Стрэтфорда, как порочный Париж далек от девственного Дублина. Кто такой этот призрак из limbo patri[1], возвращающийся в мир, что позабыл о нем? Кто такой король Гамлет?

Джон Эглинтон переместил свое тщедушное тело, откинулся на спинку, чтобы лучше судить.

Клюнуло.

— Дело происходит в два часа дня в середине июня, сказал Стефен, быстрым взглядом приглашая слушать. Флаг поднят на театре у берега реки. Около него, в Парижском Саду, медведь Саккерсон рычит на арене. Матросня, плававшая по морям вместе с Дрэйком, жует свои сосиски в партере.

Couleur locale. Всади сюда все, что знаешь. Сделай их своими сообщниками.

— Шекспир вышел из дома гугенота на Силвер-стрит и шагает мимо лебединых заводей по берегу реки. Но он не останавливается покормить самку, ведущую свой выводок к тростникам. Иные мысли занимают ум Эвонского лебедя.

Мизансцена готова. Игнатий Лойола, спеши мне на помощь!

— Представление начинается. На затененную часть сцены выходит актер, одетый в отслужившую кольчугу придворного щеголя, хорошо сложенный мужчина с густым басом. Это призрак,

[1] Он прогуливается, читая книгу самого себя (фр.).
[2] Гамлет или рассеянный. Пьеса Шекспира.

[1] Лимб отцов.

это король, король и не король, а играет его Шекспир, изучавший *Гамлета* все годы своей жизни, не растраченные впустую, для того чтобы сыграть роль привидения.' Он обращается к Барбеджу, юному актеру, стоящему перед ним по ту сторону парусиновой занавеси, называя его этим именем:

Гамлет, я дух твоего отца,

повелевая выслушать себя. С сыном он говорит, с сыном своей души, с принцем, юным Гамлетом, и с сыном своей плоти, Гамнетом Шекспиром, умершим в Стрэтфорде ради того, чтобы его тезка жил вечно.

Возможно-ли, что актер Шекспир, призрак благодаря отсутствию, одетый в одежды погребенного короля Дании, призрака благодаря смерти, обращающийся к имени своего сына (если бы Гамнет Шекспир жил, он был бы близнецом принца Гамлета), возможно -ли, спрашиваю я вас, допустимо ли, что он не сделал или не предвидел логического вывода из этих посылок: ты сын, лишенный трона: я отец, падший от руки убийцы: твоя мать, это преступная королева, Анна Шекспир, урожденная Хатвей...

— Это копание в грязном белье великого человека, раздраженно начал Рэссел...

Ты здесь приятель!

— Представляет интерес только для псаломщика. Я хочу сказать, что у нас есть его трагедии. Я хочу сказать, что когда мы читаем поэтические страницы *Короля Лира,* нам нет никакого дела до частной жизни поэта. Подглядывание и подслушивание закулисных сплетен, пьянство поэта, долги поэта. У нас есть *Король Лир:* и он бессмертен.

Лицо мистера Беза, к которому он обратился, выразило одобрение.

Стреми над ними волны и валы своих морей, Мананаан,
Мананаан Мак Лир...

Как так, бездельник, а тот фунт, что дал тебе взаймы он, когда ты голодал?

Клянусь, он был мне нужен.

Возьми сей нобль.

Брось трепаться! Ты истратил его в постели Джорджины Джонсон, дочери священника. Скверна души.

Намерен ты отдать свой долг?

Еще бы.

Когда? Сейчас?

Да н... нет.

А когда же?

Я заплатил за все. Я заплатил за все.

Успокойся. Он родом из-за Бойна. С северо-востока.

Я Обязуюсь Уплатить.

Погоди. Пять месяцев. Молекулы все другие. Я теперь другой я. Другой я получил фунт.

Кш, кш.

Но я, энтелехия, форма форм, есмь я благодаря памяти, ибо под вечно изменчивыми формами.

Я, который грешил и молился и постился.

Маленький мальчик, спасенный отцом Конми от розог.

Я, Я и Я. Я.

Я. О. У. А. Э.

— Или вам нет никакого дела до трехсотлетней традиции? спросил колкий голос Джона Эглинтона. Ее призрак по крайней мере не тревожил никого. Она умерла, для литературы по крайней мере, до своего рождения.

— Она умерла, отпарировал Стефен, через шестьдесят семь лет после своего рождения. Она встретила его в этом мире и проводила его в мир иной. Она принимала его первые ласки. Она вынашивала его детей и она положила медяки на его веки, чтобы они не поднимались, когда он покоился на смертном одре.

Мать на смертном одре. Свеча. Занавешенное зеркало. Принесшая меня в этот мир лежит там, медновекая, украшенная скудными дешевыми цветами.

Lilia a rutilantium [1]

Я плакал один.

Джон Эглинтон взглянул на светящийся червячок своей лампы.

— Мир считает, что Шекспир сделал ошибку, сказал он, и постарался покончить со всем этим как можно скорей.

— Вздор! грубо сказал Стефен. Гений не делает ошибок. Его заблужде-

---

[1] Лилейная сияющих (лат.): из католической заупокойной службы («Да окружит тебя лилейная толпа сияющих исповедников» и т. д.).

ния намеренны, они — преддверия открытий.

Преддверия открытий распахнулись, и через них вошел библиотекарь-квакер, тихоскрипоногий, плешивый, ушастый и усердный.

— Строптивую, строго сказал Джон Эглинтон, вряд-ли можно считать особенно ценным преддверием открытий. Каким ценным открытием Сократ обязан Ксантиппе?

— Диалектикой, ответил Стефен; а своей матери — уменьем помогать мыслям появляться на свет. А чем он обязан своей другой жене, Мирто (absit nomen![1]. Эпипсихидиону Сократидидиона, ни одна душа никогда не узнает. Но ни мудрость повитухи, ни лекции сварливой профессорши не спасли его от архонтов Шинн Фейна и от их бутылочки цикуты.

— Но Анна Хатвей? спокойный голос мистера Беза сказал беззаботно. Похоже на то, что мы так-же мало заботимся о ней, как сам Шекспир.

Он перевел взгляд с бороды мечтателя на череп скептика, напомнить, беззлобно пожурить, затем на лысорозовую дурацкую башку, невинную, хотя и не лишенную ехидства.

— У него было на грош ума, сказал Стефен, и память работала на совесть. Он нес памятку в своей котомке, когда тащился в город Рим, насвистывая *Я оставил там девчонку*. Даже если бы не было землетрясения, мы все равно знали-бы, когда происходило все это, — бедный Зайка, сидящий в своей норе, лай гончих, разукрашенная уздечка и ее голубые окна. Эта самая памятка, *Венера и Адонис*, лежала в спальне каждой лондонской куртизанки. Была-ли строптивая Катарина обижена судьбой? Гортензио называет ее юной и прекрасной. Или по вашему автор *Антония и Клеопатры*, страстный пилигрим, вдруг настолько ослеп, что выбрал себе в подруги жизни самую безобразную девку во всем Уорикшире. Допустим: он покинул ее и завоевал мир мужчин. Но его героини-мальчики — это героини мальчика. Их жизнь, мысль, речь заимствованы у мужчин. Его выбор был неудачен? Но по-моему он не выбирал, его выбрали. Вольному воля, безвольному Анна Хатвей. Чорт возьми, но ведь вина-то ее. Она заковала его в цепи Гименея, она, нежная, двадцатишестилетняя. Сероглазая богиня, склоняющаяся над мальчиком Адонисом, идущая на унижение, чтобы, победив, овладеть им, — это на самом деле бесстыдная стрэтфордская девица, опрокидывающая в пшеничном поле любовника более юного, чем она сама.

А мой черед? Когда?

Приди!

— В ржаном поле, сказал мистер Без ярко и весело, подымая свой новый блокнот, веселый и яркий.

Затем он пробормотал, белокурый бедокур, на радость всем:

Во ржи, на солнечной поляне,
Лежат, обнявшись, поселяне.

Парис: пленительный пленитель.

Высокая фигура в косматой домодельной ткани поднялась из тени и разоблачила свои кооперативные часы.

— Боюсь, мне пора в *Усадьбу*.

Куда его несет? Возделываемая почва.

— Вы уже уходите, спросили подвижные брови Джона Эглинтона. Мы увидим вас сегодня вечером у Мура? Пипер придет.

— Пипер! пискнул мистер Без. Пипер вернулся?

Питер Пипер пинту пива пил не пикнув.

— Не знаю, смогу ли я. Четверг. У нас собрание. Если мне удастся вырваться.

Иогигоги и магоги в аппартаментах Доусона. *Разоблаченная Изида*. Их священную книгу мы пытались заложить. Скрестив ноги под зонтиком зонтичника он восседает, ацтекский логос, функционирующий в астральном плане, их сверхдуша, махамахатма. Верные герметисты ожидают света, созревшие для посвящения, кольцом окружая его Луис Х. Виктори. Т. Каулфилд Ирвин. Лэди лотоса впиваются в него глазами, их мозговые железы пламенеют. Исполненный своим богом он восседает, Будда под платаном. Ловец душ, душелов. Мужедуши, женодуши, стаи душ. Уловленные, испускают вопли, увлекаемые в водоворот, увлеченные они вопят.

---

[1] Да не будет имени (лат.).

Средь квинтэссенциальной пошлости
В тюрьме телесной плакала женодуша.

— Говорят, нам предстоит приятный литературный сюрприз, сказал библиотекарь-квакер, дружелюбный и серьезный. Ходят слухи, что мистер Рэссел готовит цветник стихов наших начинающих поэтов. Мы все сгораем от нетерпения.

В нетерпении он глянул в конус света, где три лица, освещенные, сияли.

Наблюдай. Запомни.

Стефен бросил взгляд на широкий безголовый головной убор, висящий над коленом на ручке его ясеневой трости. Мой шлем и меч. Притронься указательным и средним пальцем. Опыт Аристотеля. Один или два? Необходимость есть то, вследствие чего исключается возможность того, чтобы нечто было чем-либо иным. Следственно, одна шляпа есть одна шляпа.

Слушай.

Молодой Колэм и Старки. Коммерческой частью ведает Джордж Робертс. Лонгуорс создаст нам хорошую рекламу в *Экспрессе*. Ах, в самом деле? Мне понравился *Погонщик* Колэма. Да, мне кажется к нему подходит это странное слово, гений. Вы думаете, он в самом деле гений? Ейтс в восторге от его строчки: *Как в пустыне греческая ваза*. Да? Надеюсь, вы все-таки придете сегодня вечером. Малаки Маллиган тоже будет. Мур просил его привести Гэйнса. Вы слышали остроту мисс Митчелл о Муре и Мартине? Что Мур, это бурная молодость Мартина? Страшно остроумно, не правда-ли? Они напоминают дон Кихота и Санчо Пансу. Доктор Сигерсон считает, что Ирландии еще предстоит создать свой национальный эпос. Мур самый подходящий человек для этого. Рыцарь печального образа здесь в Дублине. В шафранной шотландской юбочке? О'Нейль Рэссел? О, да, он вероятно говорит на великом древнем языке. А его Дульцинея? Джемс Стивенс делает очень любопытные зарисовки. Мы кажется начинаем возбуждать интерес.

Корделия. Cordoglio[1]. Самая одинокая из дочерей Лира.

[1] Печаль (итал.).

Забившись в уголок. А теперь покажи свой парижский лоск.

— Очень благодарен вам, мистер Рэссел, сказал Стефен, вставая. Не будете-ли вы так добры передать это письмо мистеру Норману...

— С удовольствием. Если он сочтет его интересным, оно пойдет. Мы получаем столько корреспонденций.

— Понимаю, сказал Стефен. Спасибо.

Спаси тебя бог. Свинарный листок. Благодетель быков.

— Синг обещал мне статью и для *Даны*. Будут ли нас читать? Я чувствую, что будут. Гэльская лига требует чего-нибудь на ирландском языке. Надеюсь увидеть вас сегодня вечером. Приведите с собой Старки.

Стефен снова сел на свое место.

Библиотекарь-квакер отошел от прощающихся. Краснея, его личина произнесла:

— Мистер Дедалус, ваши взгляды проливают свет на многое.

Он поскрипывал взад и вперед, вставая на цыпочки, ближе к небу на высоту каблука, и его тихий голос, заглушаемый шумом ухода, произнес:

— Так значит ваше мнение таково, что она изменяла поэту?

Встревоженное лицо вопрошает меня. Почему он подошел? Вежливость или внутреннее озарение?

— Где есть примирение, сказал Стефен, там до этого должен был быть разрыв.

— Да.

Христолис в кожаных штанах, беглец, скрывающийся в трухлявых дуплах от улюлюканья и травли. Без подруги, одиноко выходящий на охоту. Женщины, покоренные им, нежный пол, блудница вавилонская, супруги лордов-судей, жены кабатчиков. Лис и гусыни. А в Стрэтфорде на Новой площади опустившееся обесчещенное тело, некогда бывшее привлекательным, нежным и свежим, как киннамон, теперь лишенное листвы, обнаженное, боящееся тесной могилы и непрощенное.

— Да. Так по вашему...

Дверь закрылась за ушедшим.

Покой внезапно снизошел на скромную сводчатую келью, покой нагретого дыханием гнезда.

Светильник весталки.

Здесь он размышляет над тем, чего не было: что совершил бы Цезарь, если-бы он поверил прорицателю и остался в живых: что могло бы быть: возможности возможного как возможного: то, чего не знают: какое имя носил Ахиллес, когда жил среди женщин.

Вокруг меня мысли, заключенные в гроба, в футляры мумий, набальзамированные пряностями слов. Тот, бог библиотек, птицебог, увенчанный луной. И я услышал слова верховного жреца Египта.

В чертогах расписных, где груды книг.

Они недвижны. Некогда живые в мозгу людей. Недвижны: но трупный зуд в них, мне на ухо рассказ слезливый нашептать, заставить меня осуществить их волю.

— Разумеется, задумчиво сказал Джон Эглинтон, из всех великих людей он самый загадочный. Единственное, что мы знаем о нем,— это то, что он жил и страдал. Собственно, даже этого мы толком не знаем. Другие удовлетворяли наше любопытство. Все остальное покрыто мраком неизвестности.

— Но в *Гамлете* столько личного, не правда ли? вступился мистер Без. Я хочу сказать, это своего рода интимный дневник, понимаете, о его интимной жизни. Я хочу сказать, что мне в высшей степени безразлично, понимаете, кого убили и чья вина...

Он положил невинную книжку на край стола, улыбкой смягчая вызов. Оригинал его интимного дневника. Ta an bad ar an tir. Taim imo shagart[1] Наложи свое вето, малютка Джон.

Изрек малютка Джон Эглинтон.

— По тому, что рассказывал нам Малаки Маллиган, я был готов к парадоксам, но я должен предупредить вас, что если вы хотите поколебать мою веру в то, что Гамлет — это сам Шекспир, вам предстоит тяжелая задача.

Прошу снисхождения.

Стефен выдержал змеиный взгляд недоверчивых глаз, тяжело поблескивающих под нахмуренным лбом. Василиск. E quando vede l'uomo l'attosa[2]. Мессер Брунетто, благодарю тебя за эти слова.

— Подобно тому, как мы, или мать Дана, ткем и распускаем ткань наших тел, сказал Стефен, изо дня в день, и их молекулы снуют взад и вперед по основе, так художник ткет и распускает ткань своего образа. И подобно тому, как родинка на правой стороне моей груди находится все там-же, где она была в день моего рождения, хотя мое тело за это время не раз обновляло свою ткань, так образ сына, живущего призрачной жизнью, смотрит на нас сквозь призрак отца, не знающего покоя. В тот миг, когда воображенье напряжено, когда сознание, по словам Шелли, подобно тлеющему углю, тот, которым я был, сливается в одно с тем, который я теперь, и с тем, которым я может быть стану. Так в будущем, сестре прошедшего, я может быть увижу самого себя, сидящего здесь, теперь, но лишь отраженного в том я, которым я стану тогда.

А вот это ты украл у Дрэммонда из Хаусорндена.

— Да, молодо сказал мистер Без, Гамлет мне кажется совсем молодым. Своей горечью он может быть обязан отцу, но сцены с Офелией — безусловно от сына.

Пальцем в небо. Он в моем отце. Я в его сыне.

— Эта родинка исчезнет последней, сказал Стефен со смехом.

Джон Эглинтон придал своему лицу не слишком любезное выражение.

— Если бы таковы были отметины гения, сказал он, всякий мог бы купить его по дешевке. Позднейшие драмы Шекспира, которыми так восхищался Ренан, исполнены иного духа.

— Духа примирения, дохнул библиотекарь-квакер.

— Примирение было-бы невозможно, сказал Стефен, если-бы до этого не было разрыва.

Уже говорил это.

— Если вы хотите знать, каковы те события, что омрачают беспросветные годы *Короля Лира, Отелло, Гамлета, Троила и Крессиды,* посмотрите, где и когда рассеивается мрак. Чем смягчается сердце человека, потерпевшего кораблекрушение средь бурь, прошедше-

[1] Есть такой край, есть такая страна (ирланд.).

[2] И когда видит человека, отравляет его (итал.).

го через испытания подобно Улиссу,— Перикла, князя Тира?

Голова, красноконусом околпаченная, опощеченная, слезоослепленная.

— Дитя, девочка на его руках, Марина.

— Склонность софистов к окольным путям апокрифов есть величина постоянная, отметил Джон Эглинтон. Столбовые дороги скучны, но они ведут прямо в город.

Добрый Бэкон: старó. Шекспир бурная молодость Бэкона. Жонглеры шифрами ходят по столбовым дорогам. Искатели в великих поисках. Какой город, люди добрые? В масках имен: А. Э., эон: Мэги Джон Эглинтон. Восточней солнца, западней луны: Tir na n-og[1]. Оба в сапогах с посохами.

Сколько миль до Дублина, скажите?
Трижды двадцать и четыре, сэр.
Мы туда до ночи доберемся?

— Мистер Брандес считает *Перикла,* сказал Стефен, первой драмой последнего периода.

— В самом деле? А что говорит по этому поводу мистер Сидней Ли, или, как некоторые именуют его, мистер Симон Лазарь?

— Марина, сказал Стефен, дитя бури, Миранда, чудо, Пердита, утраченная. Утраченное возвращено ему: дитя его дочери. *Моя покойная жена,* говорит Перикл, *была подобна этой деве.* Какой мужчина полюбит дочь, если он не любил мать?

— Искусство быть дедушкой, пробормотал мистер Без. L'art d'être grand[2].

— Для человека, к которому подходит это странное слово, гений, его собственный образ есть мерило всякого опыта, материального и морального. Лишь его собственный образ может его тронуть. Образы других самцов одной с ним крови отталкивают его. Он видит в них уродливые попытки природы предсказать или повторить его самого.

Добродушный лоб библиотекаря-квакера зарозовел румянцем надежды.

— Надеюсь, мистер Дедалус разработает свою теорию для просвещения читающей публики. Следовало-бы упомянуть также и другого комментатора-ирландца, мистера Джорджа Бернарда Шоу. Не нужно забывать и мистера Франка Гарриса. Его статьи о Шекспире в *Сэтердэй Ревью* написаны с большим блеском. Как это ни странно, но он также делает особенный упор на роковой связи с темноволосой лэди сонетов. Счастливый соперник, это Вильям Герберт, граф Пемброк. Должен сказать, что если даже поэт и был отвергнут, это гармонирует скорее с нашими — как бы это выразиться? — с нашими представлениями о том, что не должно было бы быть.

Поздравляя себя с удачным оборотом речи он замолк, протягивая им свою кроткую голову, яйцо кайры, награду их турнира.

Он обращается к ней с торжественными супружескими словами. Ты возлюбила меня, Мириам? Ты возлюбила своего супруга?

— Возможно, так оно и было, сказал Стефен. У Гете есть одна фраза, которую любит цитировать мистер Мэги. Остерегайтесь ваших желаний в юности, ибо они исполнятся в зрелом возрасте. Зачем он посылает ухаживать за женщиной, имя которой buonaroba[1], за кобылой, на которой все мужчины ездили, за фрейлиной со скандальным прошлым, юного лордика? Он сам был лордом речи, он сделал себя оруженосцем, он написал *Ромео и Джульетту.* Почему? Потому что вера в себя была безвременно убита. Он начал с того, что был побежден в пшеничном поле (я хотел сказать в ржаном), и после этого он никогда не будет чувствовать себя победителем и не сумеет победоносно играть в игру засмейся и ложись. Напускное донжуанство не спасет его. Сколько бы он ни побеждал, он не победит в себе страх побежденного. Клык кабана ранил его там, где, истекая кровью, покоится любовь. Хотя строптивая укрощена, у нее осталось ее незримое орудие женщины. За его словами я чувствую бич плоти, толкающей его к новой

---

[1] Край вечной юности (ирланд.).
[2] Искусство быть дедом — известное стихотворение Виктора Гюго.

[1] Проститутка (итал.).

страсти, еще более темной тени первой, затемняющей даже его понимание самого себя. То же ожидает его, и двойное исступление сливается в водоворот.

Они слушают. И я в преддверия ушей вливаю.

— Душа его была поражена смертельно, яд был влит в преддверие спящего уха. Но как узнают, какой смертью они умерли, те, кого смерть настигла во сне, если творец не наделит этим знанием их души в будущей жизни? Яд и животное о двух спинах, давшее яд — дух короля Гамлета мог узнать об этом лишь потому, что творец наделил его этим знанием. Вот почему его речь (его тощий неприятный английский язык) всегда обращена куда-то еще, в прошлое. Изнасилованный и насильник, то, чем он хотел быть и не хотел, он ведет нас от полушарий Лукреции, слоновая кость с синими жилками, к груди Имогены, обнаженной, запятнанной пятью родинками. Утомленный творениями, которые он нагромоздил, чтобы спрятаться от самого себя, он возвращается вспять, старый пес, зализывающий старую рану. Но потому, что поражения его — победы, он уходит в бессмертие все таким же, неоскудевшим, ничему не наученный мудростью, которую он создал, законами, которые он открыл. Его забрало поднято. Теперь он призрак, он тень, он ветер на скалах Эльсинора, все что хотите, голос моря, голос, которому внемлет лишь сердце того, кто есть сущность его тени, сын, единосущный с отцом.

— Аминь! послышалось от входной двери.

Ты настиг меня, о враг мой?

Антракт.

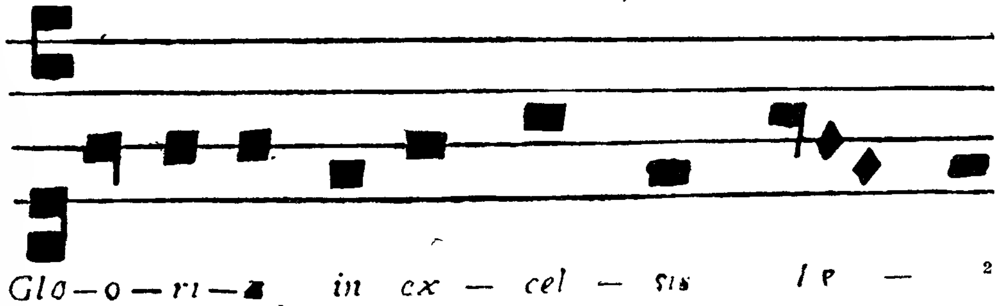
Похабное лицо, угрюмое как лицо дьякона, Бак Маллиган вошел тогда, в пестром шутовском наряде, направляясь к приветствию их улыбок. Моя телеграмма.

— Если не ошибаюсь, вы говорили о газообразном позвоночном? спросил он у Стефена.

Желтожилетный, он весело приветствовал их снятой панамой, точно погремушкой.

Они радушно принимают его. Was du verlachst wirst du noch dienen[1]

Племя насмешников: Фотий, псевдомалахия, Иоганн Мост.

Тот, кто сам себя зачал через духа святого, и сам послал себя посредником между собой и другими, кто, осмеянный своими врагами, разоблаченный и поруганный, был пригвожден как нетопырь к дверям сарая, взалкал на кресте, был погребен, восстал, сошел во ад, вознесся на небеса и там все девятнадцать веков восседает одесную самого себя, но вновь придет в последний день судить живых и мертвых, когда все живые будут уже мертвые.

Он воздевает руки. Покрывала спадают. О, цветы! Колокола колоколам колоколами звенят.

— Вот именно, сказал библиотекарь-квакер. Весьма поучительный спор. Я уверен, что у мистера Маллигана тоже есть своя теория относительно этой драмы и относительно Шекспира. Должны быть представлены все стороны жизни.

Он улыбнулся поровну на все стороны.

---

[1] Над чем смеешься, тому послужишь (нем.). Цитата из Фауста Гете.

[2] Слава в вышних богу (лат.)

Бак Маллиган задумался, озадаченный:

— Шекспир? сказал он. Сдается мне, я где-то слыхал это имя.

Летучая солнечная улыбка покрыла лучами его одутловатое лицо.

— Ну конечно, сказал он, радостно припоминая. Тот самый, что пишет, как Синг.

Мистер Без повернулся к нему:

— Вас искал Гэйнс, сказал он. Вы его не встретили? Он хотел увидеться с вами попозже в О. Д. Б. Он отправился к Гиллу покупать хайдовские *Любовные песни Коннахта.*

— Я прошел через музей, сказал Бак Маллиган. А он был здесь?

— Соотечественникам барда, ответил Джон Эглинтон, кажется порядком наскучили наши блестящие теории. Я слыхал, что вчера вечером в Дублине какая-то актриса в четыреста восьмой раз выступала в роли Гамлета. Вайнинг утверждал, что принц был женщиной. Неужели никто еще не открыл, что он был ирландец? Судья Бертон, вероятно уже ищет какие-нибудь намеки на это. Он клянется (его высочество, а не его сиятельство) святым Патриком.

— Самый блестящий из всех, это этюд Уайлда, сказал мистер Без, подымая кверху свой блестящий блокнот. Я говорю о *Портрете В. Х.*, где он доказывает, что сонеты написаны неким Вилли Хьюзом, любимцем его музы.

— Посвящены Вилли Хьюзу, вы хотите сказать? спросил библиотекарь-квакер.

Или Хьюи Вильяма. Мистер Вильям Художник. В. Х.: кто я такой?

— Я хотел сказать, посвящены Вилли Хьюзу, сказал мистер Без, находу исправляя свою глоссу. Конечно, все это парадокс, понимаете, Хьюз и муз и обуз; но как он разрабатывает свою тему! Уайлд чистейшей воды, понимаете. Порханье мотылька.

Его взгляд мотыльком порхнул по их лицам, когда он улыбнулся, белокурый эфеб. Уайлд разбавленный чистейшей водой.

Ты чертовски остроумен. Три драхмы эсквибо ты выпил на дукаты Дана Дизи.

Сколько я истратил? Пустяки, несколько шиллингов.

Угощал шайку щелкоперов. Юмор трезвый и пьяный.

Остроумие. Ты отдал бы все свое остроумие за горделивую ливрею юности, в которой щеголяет он. Следы удовлетворенного желания.

Бывают такие минуты. Возьми ее вместо меня. В брачный период. Юпитер, пошли им прохладу во время течки. Да, обхаживай ее.

Ева. Обнаженный пшеничнолонный грех. Змий обвивает ее, жало в его поцелуе.

— Так по-вашему это всего лишь парадокс, вопрошал библиотекарь-квакер. Насмешника не принимают всерьез, когда он наиболее серьезен.

Они серьезно обсуждали серьезность насмешника.

Тем временем опять застывшее лицо Бака Маллигана глазело на Стефена. Затем, мотая головой, он подошел ближе, вытащил сложенную телеграмму из кармана. Его подвижные губы читали, улыбаясь, снова радостно:

— Телеграмма! сказал он. Вдохновение свыше! Телеграмма! Папская булла!

Он примостился на краю неосвещенного стола, жизнерадостно читая вслух:

— *Сентиментален тот кто хочет наслаждаться не принимая на себя неоплатного долга благодарности.* Подпись: Дедалус. Откуда ты ее послал? Из педагогического бедлама? Нет. Колледж Грин. Ты что, пропил все четыре соверена? Тетушка собирается нанести визит твоему ненасущному отцу. Телеграмма! Малаки Маллигану, Корабль, Эбби-стрит. О, бесподобный скоморох! О, миропомазанный архикинч!

Жизнерадостно он сунул послание и конверт в карман, но сейчас же сердито запричитал с простонародным акцентом:

— Вот я тебе и говорю, приятель, было нам с Гэйнсом тошно и муторно, а тут ее и несут. И уж так нам нужно было клюкнуть, что и слов нет, и такого, что и монаха подняло бы, хоть бы он весь обмяк, словно мокрая мочалка после веселой ночки. А мы сидим у Коннери как дураки, сидим час, сидим два и ждем, когда это наконец нам посчастливится выпить по пинте каждому.

Он заголосил.

— И сидим это мы там, как неприкаянные, а он и в ус себе не дует да еще телеграмки шлет, и невдомек ему, что у нас в горле пересохло и языки на добрую милю висят, как у причетников, с похмелья.

Стефен рассмеялся.

Поспешно, предостерегающе, Бак Маллиган наклонился к его уху:

— Бродяга Синг ищет тебя, сказал он, хочет прикончить тебя. Ему рассказали, что ты обмочил его парадное в Гластуле. Он натянул ботфорты и рыщет повсюду, грозясь прикончить тебя.

— Меня! воскликнул Стефен. Но ведь это был твой вклад в литературу!

Бак Маллиган весело откинулся всем телом назад и захохотал, обращаясь к темному подслушивающему потолку.

— Прикончить тебя! хохотал он.

Злобная оскаленная морда, ополчавшаяся против меня за тарелкой искрящегося светом рагу на rue Saint-Audrè-des Arts. Словами о словах ради слов, болтология. Ошин со святым Патриком. Фавн встретился ему в лесу Клямар, размахивающий бутылкой вина. C'est vendredisaint![1] Кровожадный ирландец. Его образ, блуждая, встретился ему. Мне мой. Я встретил дурака в лесу.

— Мистер Листер, позвал помощник из приоткрытой двери.

— ...в котором каждый находит то, что ищет. Так, судья Мадден в своем *Дневнике Мастера Уильяма Сайленс* находит, что охотничьи термины... Да? Что такое?

— Тут пришел один джентльмен, сэр, сказал помощник, подходя ближе и протягивая визитную карточку. Из *Фримена.* Он хочет просмотреть комплект *Кильkенийского Гражданина* за прошлый год.

— Ну конечно, ну конечно, ну конечно. А этот джентльмен?..

Он взял проворную карточку, посмотрел, ничего не увидел, отложил нерассмотренную, взглянул, спросил, скрипнул, спросил:

— А он?.. Ах, там!

Проворно в темпе гальярды он снялся с места и за дверь. В солнечном коридоре он с многословным рвением говорил, на боевом посту, любезнейший, добрейший и честнейший квакваквакер.

— Этот джентльмен? *Фримен? Килькеннийский Гражданин?* Разумеется. Добрый день, сэр. *Килькенни...* Ну конечно имеется...

Терпеливый силуэт ожидал, слушая.

— Все крупнейшие провинциальные... *Северный Либерал, Голос Корка, Страж Эннискорти,* 1903... Разрешите вам показать?.. Эванс, проводите джентльмена... Будьте любезны, пройдите за моим помощ... Или нет, лучше я сам... Вот сюда... Будьте любезны, сэр...

Многословный, исполнительный, он вел ко всем провинциальным газетам кивающую темную фигуру, следовавшую за его поспешными шагами.

Дверь закрылась.

— Вот проныра! крикнул Бак Маллиган.

Он соскочил со стола и схватил карточку.

— А как его зовут? Ицка Мойше? Блум.

Он болтал, не унимаясь.

— Нет больше Иеговы! Я повстречал его в музее, где я приветствовал пенорожденную богиню. Греческий рот, не оскверненный молитвой. Мы каждый день должны приходить к ней на поклонение. *Жизни жизнь, твои воспламеняют губы.*

Внезапно он повернулся к Стефену:

— Он знает тебя. Он знает твоего родителя. О, я боюсь, он больше грек, чем сами греки.

— Мы хотим услышать еще, с одобрения мистера Беза решил Джон Эглинтон. Миссис Ш. начинает нас интересовать. До сих пор, если мы о ней и думали, то считали ее терпеливой Гризельдой, домоседкой Пенелопой.

— Антисфен, ученик Горгия, сказал Стефен, отнял пальму первенства у племенной матки Кириоса Менелая, у аргивянки Елены, троянской деревянной кобылы, в которой спали двадцать героев, и вручил ее бедной Пенелопе. Два десятилетия он прожил в Лондоне, и были времена, когда он получал жалованья не меньше, чем лорд-канцлер Ирландии. Жил он богато. Его искусство, в большей степени даже, чем то, что Уолт Уитмен называет искусством феодализма, это искусство изли-

[1] Сегодня страстная пятница (фр.).

шеств. Паштеты, зеленые бутыли с хересом, медовые соуса, розовый сироп, марципаны, голуби, фаршированные крыжовником, имбирные леденцы. На сэре Уолтере Рэли было в день ареста на полмиллиона драгоценностей, в том числе вышитый корсет. Белью процентщицы Элизы Тюдор позавидовала бы сама царица Савская. Двадцать лет он болтался там, имея все возможности выбирать между супружеской любовью с ее чистыми наслаждениями и незаконной любовью с ее нечистыми соблазнами. Вы знаете рассказ Маннингема о том, как некая горожанка, увидев Дика Барбеджа в *Ричарде III,* предложила ему разделить с ней ложе, и как Шекспир, подслушав разговор, взял корову за рога, не подымая шуму из-за ничего, и как он, когда Барбедж постучался в дверь, ответил ему с постели, где он нежился среди одеял рогоносца: *Вильгельм завоеватель владел Англией раньше Ричарда III.*

Кур-ля-Рен. Encore vingt sous. Nous nous ferons de petites cochonneries Minette? Tu veux?[1]

— Сливки общества. И матушка сэра Вильяма Давенанта из Оксфорда с ее чашей канарского вина для каждого кенаря.

Бак Маллиган, возведя благочестивые очи горе, забормотал:

— Блаженная Маргарита Мария Канарейка!

— И дочка шестиженца Гарри и многие другие подруги из окрестных мест, по выражению Лаун Теннисона, джентльмена поэта. А что же по-вашему делала все эти двадцать лет бедная Пенелопа в своем стрэтфордском уединении, за бубновым переплетом окон?

Сделай это. То, что делают. В феттер-лэйнском розариуме Джерарда, ботаника, он гуляет, седеющий шатен. Лазоревый колокольчик как жилки на ее руке. Веки Юноны, фиалки. Он гуляет. Мы живем только раз. Только раз у нас тело. Ну сделай же. Там среди испарений похоти и нищеты, руки ощупывают белизну.

Бак Маллиган энергично стукнул по столу Джона Эглинтона.

— А на кого падает подозрение? вызывающе сказал он.

— Допустим, что в сонетах он отвергнутый любовник. Отвергнутый раз отвергнут снова. Но придворная ветреница отвергла его ради лорда, ради любимого.

Любовь, которая себя назвать не смеет.

— Вы хотите сказать, что он, как всякий англичанин, вставил Джон стойкий Эглинтон, любил своего лорда.

Полуразрушенная стена, где молнией мелькают ящерицы. В Шарантоне я наблюдал за ними.

— Очевидно так, сказал Стефен, раз он готов был совершать на благо ему, и на благо всем неувлажненным нивам, святой обряд, совершаемый конюхом на благо жеребцу. Возможно, как у Сократа, у него была мать повитуха и строптивая жена. Но она, вертлявая ветренница, не нарушила обета. Два деяния преследуют душу призрака: нарушенный обет и пустоголовый мужлан, которого она осчастливила своими милостями, брат покойного супруга. У нежной Анны, надо думать, кровь была горячая. Обольстившая раз обольщает снова.

Стефен развязно повернулся на стуле.

— Факты на моей стороне, не на вашей, сказал он, хмурясь. Если вы отрицаете, что в пятой сцене *Гамлета* он заклеймил ее позором, об'ясните мне пожалуйста, почему в продолжение всех тридцати четырех лет, протекших со дня, когда она женила его на себе, и до дня, когда она его похоронила, он ни разу не упоминает о ней. Все эти женщины уложили своих мужчин в могилу: Мэри своего муженька Джона, Анна своего бедного миленького Виля, когда он возьми да и помри подле нее, бесясь, что ему приходится уходить первому, Джоан своих четырех братьев, Юдифь своего супруга и четырех сыновей, Сусанна тоже супруга, тогда как дочка Сусанны, Елизавета, выражаясь словами ее дедушки, вышла за второго, сначала первого убив.

Впрочем, одно упоминание имеется. В те годы, когда он жил на широкую ногу в королевском Лондоне, ей пришлось занять у отцовского пастуха сорок

---

[1] Еще двадцать су. Мы с тобой позабавимся. Хочешь? (фр.).

шиллингов, чтобы расплатиться с долгами. Об'ясните мне это. Об'ясните и лебединую песнь, которой он прославил ее в веках.

Он бросил вызов их молчанию.
На что Эглинтон:

О завещаньи говорите вы.
Ей получить по праву надлежало
Всю вдовью часть. Он был силен в законах,
Так говорят нам судьи.

Сатана в ответ,
Насмешник:
И поэтому он не назвал ее имени
В первом списке, хотя перечислил подробно
Все подарки своим дочерям и сестре,
И внучке, и старым приятелям в Стрэтфорде
И в Лондоне. А когда наконец убедили его,
Как мне кажется, имя ее назвать,
Он завещал ей свою
Без тюфяка
Кровать

Punkt[1].
Ейзавещал
Безтюфяка
Своюкровать
Ейзатюфял
Безтюкровать

Тпру!

— Движимое имущество веселых поселян сводилось к очень немногому в те дни, заметил Джон Эглинтон, как и в наши дни, впрочем, если верить пьесам из крестьянской жизни.

— Он был богатым помещиком, сказал Стефен, у него был герб и поместье в Стрэтфорде и дом в Ирландском Подворье в Лондоне, он был крупным акционером, человеком с большими связями, фермером, платившим десятину со своих земель. Почему он не оставил ей свою лучшую кровать с тюфяком, если ему хотелось, чтобы остаток дней она прохрапела в мире?

— Не подлежит сомнению, что были две кровати, одна получше с тюфяком и другая без, тонко заметил мистер Без. — Separatio a mensa et a thalamo[1] уточнил Бак Маллиган, вызывая улыбки.

— В древней истории упоминаются знаменитые кровати, сморщился Бездарный Эглинтон, бесстыдно улыбаясь. Дайте-ка вспомнить.

— В древней истории упоминается о том, как стагиритский школьник, лысый языческий мудрец, сказал Стефен, умирая в изгнании, освободил и наградил своих рабов, воздал должное своим престарелым родителям, пожелал лечь в землю рядом с останками своей покойной супруги и попросил своих друзей не забывать его старую возлюбленную (вспомним Нелл Гвинн Херпиллис) и позволить ей жить в его вилле.

— Так по-вашему он умер именно так? слегка встревоженно спросил мистер Без. Я хочу сказать...

— Он умер мертвецки пьяный, поставил точку Бак Маллиган. Кварта эля — королевский напиток. О, я должен рассказать вам, что изрек Доуден!

— Что? спросил Безэглинтон.

Акц. О-во Вильям Шекспир и К°. Общедоступный Вильям. За всеми справками обращаться по адресу: Э. Доуден, Хайфилд хаус...

— Чувство красоты сбивает нас с правильного пути, сказал прекрасно-грустный Без уроду Эглинтону.

Стойкий Джон ответил сурово.

— Что значат эти слова, может об'яснить нам врач. Нельзя одновременно и невинность сохранить, и капитал приобрести.

Ах, ты так? Неужели они будут оспаривать у нас, у меня пальму первенства?

— А равным образом и чувство собственности, сказал Стефен. Он вытащил Шейлока из собственного поместительного кармана. Сын хмелеторговца и ростовщика, он сам был хлеботорговцем и ростовщиком; десять возов хлеба хранились у него в амбарах во время голодных бунтов. Его должники и есть наверное те самые знатные особы, которых упоминает Четль Фальстаф, похваляющийся своей честностью

[1] Точка (нем.).

[1] Отлучение от стола и ложа (лат.).

в делах. Он упек под суд одного из своих собратьев-актеров за несколько мешков солода и за каждый ссуженный в долг грош требовал своего фунта мяса в виде процентов. А как иначе мог бы конюх Обрея и суфлер разбогатеть так быстро? Каждое событие лило воду на его мельницу. История Шейлока совпадает во времени с еврейскими погромами, начавшимися после повешения и четвертования придворного лекаря королевы, Лопеса, у которого заживо вырвали сердце из груди; *Гамлет* и *Макбет* — со вступлением на престол шотландского горе-философа, питавшего пристрастие к поджариванию ведьм. В *Тщетных Усилиях Любви* он издевается над погибшей армадой. Величественные корабли его исторических хроник плывут по взбаламученному морю ярого шовинизма. Начинается процесс уорикширских иезуитов—и вот перед нами лакейская теория словоблудия. *Отважный Мореход* возвращается на родину с Бермудских островов, и в результате появляется драма, приводившая в восторг Ренана, в которой выведен Патси Калибан, наш американский родич. В своих сладких как сахар сонетах он идет по стопам Сиднея. Что же до золотоволосой феи Елизаветы, иначе рыжей кошки Бесс, бесстыдной девы, вдохновившей *Виндзорских Проказниц*, пусть какой-нибудь мейнгер из Неметчины роется всю свою жизнь в бельевой корзине, отыскивая на дне ее глубокие скрытые смыслы.

Это у тебя ловко получилось. Теперь подмешай сюда еще теолологико-филологической микстурки.

— Докажите, что он был еврей, вызывающе сказал Джон Эглинтон, насторожившись. Ваш декан утверждает, что он был правоверный католик. Suffaminandus sim[1].

— Он был германского производства, ответил Стефен, премированный французский лакировщик итальянских скандалов.

— Мириадоумый человек, надоумил мистер Без. Кольридж назвал его мириадоумым.

Amplius n societate humana hoc est maxime necessarium ut sit amicitia inter multos![1]

— Святой Фома, начал Стефен...

— Молись о нас, простонал Монах Маллиган, бросаясь в кресло.

Оттуда он разразился протяжным воем.

— Pogue mahone! Acushla machree[2] Пропали теперь наши бедные головушки! Как пить дать пропали!

Все улыбнулись, каждый по-своему.

— Святой Фома, сказал Стефен, улыбаясь, чьи толстопузые труды я имею удовольствие читать в оригинале, подходя к вопросу о кровосмешении с точки зрения, отличной от точки зрения новейшей венской школы, о которой рассказывал нам мистер Мэги, уподобляет его, с присущим ему своеобразием и мудростью, эмоциональной скупости. Он хочет сказать этим, что тот, кто дарит свою любовь кровному родичу, как-бы отнимает ее у постороннего, который, может быть, жаждет этой любви. Евреи, обвиняемые христианами в скупости, из всех народов наиболее склонны к бракам между членами одной семьи. Подобные обвинения бросают в пылу гнева. Христианские законы, помогавшие евреям (которым, как и лоллардам, буря служила убежищем), накоплять сокровища, сковывали их чувства стальными обручами. Добродетель это или грех — об этом нам поведает отче ничей в день страшного суда. Но человек, цепляющийся так крепко за то, что он называет своими правами, в ущерб тому, что он называет своими обязанностями, будет крепко цепляться за то, что он называет своими правами, в ущерб той, кого он зовет своей женой. Никакой сэр Смайл из соседей не пожелает вола ближнего своего ни жены его ни раба его ни рабыни его ни осла его.

— Ни ослицы его, возгласил в ответ Бак Маллиган.

— С каким Виллом?[3] мягко ввернул вольно круто, кротко сказал кроткий мистер Без.

— С каким Виллом?[3] мягко ввернул Бак Маллиган. Я что-то совсем запутался.

---

[1] Я заторможен (лат.).

[1] Далее. В человеческом обществе самое главное содружество многих (лат.).

[2] Милый мой. Голубчик мой (ирланд.).

[3] «Вилл» (will)—по-английски значит «воля».

— Воля к жизни, зафилософствовал Джон Эглинтон, ибо бедная Анна, вдова Вилла, есть воля к смерти.

— Requiescat![1] взмолился Стефен.

Где ты, воля к совершенью?
Ты исчезла как виденье

— Даже если вам удастся доказать, что кровать, в те дни была такой же редкостью, как теперь автомобиль, и резные украшения на ней были чудом семи приходов — она все-таки лежит окоченевшая, жалкая царица, на той самой кровати без тюфяка. В старости она пристрастилась к проповедникам (один из них проживал на Новой площади и выпивал за счет города кварту хереса, но на какой кровати он спал — не пристало спрашивать) и узнала, что у нее есть душа. Она читала, или ей читали, его лубочные книжки, которые она предпочитала *Виндзорским Проказницам,* и, орошая ночными водами урыльник, размышляла над *Крючками и Петлями для Штанов Истинно Верующих* и над *Наидуховнейшей Табакеркой для Благочестивых Душ.* Венера осквернила свои губы молитвой. Скверна души: угрызения совести. Возраст, когда отставные шлюхи ищут своего бога.

— История подтверждает это, inquit Eglintonus Chronolo ogos[2]. Один возраст сменяется другим. Но из высокоавторитетных источников мы знаем, что худшие враги человека, это домашние его, его семья. Пожалуй, Рэссел прав. Какое нам дело до его жены и отца? Я сказал бы что только у поэтов домашнего очага бывает домашний очаг. У Фальстафа домашнего очага не было. Пожалуй, тучный рыцарь был его шедевром.

Тощей спиной он прислонился к спинке стула. Робко, отрекаясь от своих, неверный родич. Робко, за круговой чашей с нечестивыми, пропускает свой черед. Отец из Ульстерского Антрима заповедал ему. Навещает его четыре раза в год. Мистер Мэги, сэр, там джентльмен, желает вас видеть. Меня? Говорит, он ваш отец, сэр. Дайте мне моего Уордсворса. Входит Мэги Мор Мэтью, суровый седовласый мужлан в суровом сукне, в штанах с застегнутым на все пуговицы гульфиком, его чулки, замаранные грязью десяти лесов, ветвь дичка как жезл в его руке.

А мой? Он знает твоего родителя. Вдовец.

Когда спешил к ее убогому смертному одру из веселого Парижа, на пристани, прикоснулся к его руке. Голос, незнакомая прежде теплота, говорит. Доктор Боб Кэнни лечит ее. Глаза, желающие мне добра. Но не знающие меня.

— Отец, сказал Стефен, борясь со своей подавленностью, — неизбежное зло. Он написал свою трагедию через несколько месяцев после смерти отца. Утверждая, что он, седеющий муж с двумя дочерьми на выданьи, с тридцатью пятью годами жизни за плечами, nel mezzo del cammin di nostra vita[1], с пятьюдесятью годами житейского опыта, и есть безбородый Виттенбергский студент, вы тем самым утверждаете, что его семидесятилетняя старуха-мать, это похотливая королева. Нет. Труп Джона Шекспира не скитается по ночам. Из часа в час он гниет и гниет. Он покоится, обезоруженный отец, передавший мистическое состояние отцовства своему сыну. Именно на этой тайне, а вовсе не на мадонне, которую лукавый итальянский ум бросил как кость европейской черни, зиждется церковь, неколебимо зиждется, ибо, подобно вселенной, подобно макро- и микрокосму, она зиждется на пустоте. На невероятном, на неправдоподобном. Возможно, amor matris[2], суб'ективный и об'ективный родительный падеж, это единственная реальность в жизни. Возможно, отцовство — это лишь юридическая фикция. Есть ли в мире хоть один отец хоть одного сына, любимый этим сыном или любящий его?

К чему это ты клонишь, приятель?

Знаю, знаю. Замолчи. Ступай к чорту! Значит так надо. Amplius. Adhuc. Iterum. Postea[3].

Или ты обречен на это?

— Плотский стыд ставит между ними столь прочные преграды, что криминальная хроника мира, пестрящая

[1] Покойся (лат.).
[2] Промолвил Эглинтон Хронолог (лат.).

[1] Посреди жизненного пути (итал.).
[2] Любовь матери (лат.).
[3] Дальше еще. Опять. После (лат.).

всеми возможными видами инцестов и извращений, почти не знает подобных случаев. Сыновья с матерями, отцы с дочерьми, лесбийские сестры, любовь, которая себя назвать не смеет, внуки с бабушками. Нерожденный сын умаляет красоту матери; рожденный, он причиняет страдания, требует долю любви, умножает заботы. Он самец: его расцвет, это закат отца, его юность на зависть отцу, его друг, — враг отцу.

Эта мысль пришла мне в голову на rue Monsieur-le-prince.

— Чем связывает их природа? Мгновением слепой похоти.

А я отец? А если бы я был?

Отдернутая неуверенная рука.

— Африканец Савеллий, самый лукавый из всех ересиархов, утверждал, что бог отец был сам своим собственным сыном. Бульдог Аквинский, для которого нет ничего невозможного, опровергает его. Итак: если отец, не имеющий сына, не есть отец, может ли сын, не имеющий отца, быть сыном? Когда Рэтлендбэконсоутгемптоншекспир или другой поэт, носящий то же имя в комедии ошибок, написал Гамлета, он был не только отцом своего сына, но также, перестав быть сыном, он был и чувствовал себя отцом всего своего рода, отцом своего собственного деда, отцом своего нерожденного внука, который по той же причине так и не родился, потому что природа, как понимает ее мистер Мэги, боится совершенства.

Глаза Эглинтона, робкояркие, вспыхнувшие от удовольствия, глянули на него робкоярко. Глядящий с довольным блеском, веселый пуританин, сквозь сморщенную, в иглах, розу.

Польстить. Изредка. Но польстить.

— Сам собственный отец, сказал самому себе Сынмаллиган. Постойте-ка. Я в положении. В моем мозгу шевелится нерожденное дитя. Афина-Паллада! Пьеса! Пьеса, вот что! Разрешите мне разрешиться от бремени!

Он схватился за свой брюхатый лоб обеими принимающими руками.

— Что же касается его семьи, сказал Стефен, имя его матери живо в Арденском лесу. Ее смерть дала ему сцену с Волумнией в *Кориолане*. Смерть его малолетнего сына — это сцена смерти юного Артура в *Короле Джоне*. Гамлет, черный принц — это Гамнет Шекспир. Кто такие девушки в *Буре*, в *Перикле*, в *Зимней сказке*, мы уже знаем. Кто такая Клеопатра, котел с мясом в земле египетской, Крессида и Венера, мы можем догадаться. Но в его пьесах упоминается и еще один член его семьи.

— Интрига усложняется, сказал Джон Эглинтон.

Библиоквакер, подпрыгивая, на цыпочках, вошел, прыг-прыг, его лицо, прыг-прыг, поспешно, прыг-прыг и квак.

Дверь закрылась. Келья. День.
Они внимают. Трое. Они.
Я ты он они.
Идемте, г-да.

СТЕФЕН

У него было три брата: Гилберт, Эдмунд, Ричард. Гилберт в старости рассказывал своим приятелям дворянчикам, как он достал задарма пропуск у господина Сборщика, лопни мои глаза, если я вру, и видел в Лондоне своего братца господина Виля, того, что драмы пишет, и тот камедь ломал, а драка там была, что только держись, а на закорках у Виля здоровенный дядя сидел. Театральные сосиски пленили душу Гилберта. Его нет нигде: но Ричарда и Эдмунда кроткий Вильям помянул в своих драмах недобрым словом.

МЭГИГЛИНДЖОН

Имена! Что имя?

БЕЗ

Это мое имя, Ричард, понимаете. Я надеюсь, что вы замолвите словечко за Ричарда, а то мне будет обидно, понимаете?

(Смех)

БАК МАЛЛИГАН

(Piano, diminuendo)

И тогда промолвил медик Дик:
Слушай, друг, сердешный, медик Дэви...

СТЕФЕН

Из троицы злодеев, которых он вытряхнул, как боевых петухов, на подмостки, Яго, Ричард Горбун, Эдмунд в *Короле Лире*, двое носят имена злых дядей. И заметьте — *Король Лир* был создан, или создавался, в то самое время, когда его брат Эдмунд умирал в Соуэрке.

БЕЗ

Я надеюсь, самое худшее достанется на долю Эдмунда. Я не хочу, чтобы Ричард, мое имя...

(Смех)

КВАКЕРЛИСТЕР

(A tempo). Но тот, кто имя доброе мое отнимет...

СТЕФЕН

(Stringendo). Он скрыл свое имя, хорошее имя, Вильям, в одной драме под маской статиста, в другой — под маской шута, подобно старому мастеру итальянцу, помещавшему свое лицо где-нибудь в углу холста. Он раскрыл его в сонетах, где Wills пожалуй даже слишком много. Так же, как Джону О'Гонту, его имя дорого ему, не менее дорого, чем дворянский герб, ради которого он пресмыкался, на поле черни копье из посеребренной стали, honorificcabilitudinitatibus[1] дороже, чем слава величайшего потрясателя сцены в Англии. Что имя? об этом мы спрашиваем себя в детстве, когда пишем то имя, которое, по словам взрослых, принадлежит нам. Звезда, хвостатая звезда, немеркнущее днем светило, зажглось при его рождении. Днем оно одно сияло в небесах, сияло ярче, чем Венера ночью, а по ночам оно сияло над дельтой Кассиопеи, над возлежащим созвездием, начертавшим среди звезд его инициал. Его глаза следили за светилом, склонявшимся все ниже к горизонту, восточнее медведицы, когда в полночь он проходил по сонным летним полям, возвращаясь из Шоттери и из ее об'ятий.

[1] «Достопочтенный» с прибавлением нескольких суффиксов (лат.).

Оба довольны. Я тоже.

Не говори им, что ему было девять лет, когда оно исчезло.

И из ее об'ятий.

Ждешь, чтобы тебя улещали, обольщали? Ах ты, дурень. Кто это станет тебя обольщать?

Читать в небесах. Auto timeroumenos. Bous stephanoumenos[1]. Где твое созвездие Стиви, Стиви зад в крапиве. S. D. Sua donna. Già: di lui. Gelindo risolve di non amar S. D[2].

— А что это такое было, мистер Дедалус? спросил библиотекарь-квакер. Какое-нибудь небесное явление?

— Ночью звезда, сказал Стефен, днем облачный столб.

Больше ничего не скажешь.

Стефен посмотрел на свою шляпу, свою трость, несвои башмаки. Stephanoc[3] мой венец. Мой меч. Его башмаки уродуют форму моих ног. Купить себе пару. Носки дырявые. И носовой платок.

— Вы умеете обыграть имя, признал Джон Эглинтон. Ваше имя тоже нельзя назвать обычным. Мне кажется оно об'ясняет ваш причудливый ум.

Мое, Мэги и Маллигана.

Легендарный искусник, соколоподобный муж. Ты летел. Куда? Ньюхэвен-Дьепп, пассажир третьего класса. Париж и обратно. Пигалица. Икар. Pater, ait[4]. Обрызганный морской пеной, упавший, барахтающийся в луже. Пигалица ты. Пигалица он.

Мистер Без спокойнорьяно поднял свой блокнот и произнес:

— Все это крайне интересно, потому что этот мотив, знаете, мотив братьев, мы находим также в древнеирландских мифах. Как раз то самое, о чем вы говорите. Три брата Шекспира. У Гримма тоже, знаете, в сказках. Третий брат, который женится на спящей красавице и получает безценную награду.

Бесценнейший из безценных братьев. Ценный, ценнейший, безценный.

Библиотекарь-квакер припрыгал и остановился.

[1] Сам себя называющий; бык, носящий венок (греч.).
[2] С. Д.: свою даму. Ага: его. Джелиндро, решает не любить С. Д. (итал.).
[3] Венок (греч.).
[4] Отец говорит (лат.); цитата из «Метаморфоз» Овидия.

— Мне хотелось-бы знать, сказал он, какого брата вы... Насколько я вас понимаю, вы хотите намекнуть, что имел место адюльтер с одним из братьев... Но может я забегаю вперед?

Он спохватился: посмотрел на всех: воздержался.

Помощник позвал из коридора:

— Мистер Листер! Отец Динин просит...

— О! Отец Динин! сейчас!

Проворно счас скрипя счас счас он счас ушел.

Джон Эглинтон поднял перчатку.

— Продолжайте, сказал он. Нам хочется послушать, что вы скажете о Ричарде и об Эдмунде. Вы приберегли их напоследок, не так ли?

— Обращаясь к вам с просьбой не забывать об этих двух благородных родичах поэта, о дяде Ричи и дяде Эдмунде, ответил Стефен, я кажется прошу слишком многого? Брата забывают с такой же легкостью, как, скажем, зонтик.

Пигалица.

Где твой брат? Клуб аптекарей. Мой оселок. Он, потом Крэнли, Маллиган: теперь эти. Говори, говори. Но действуй. Действуй, говоря. Они издеваются, желая испытать тебя. Действуй. Противодействуй.

Пигалица.

Мне надоел мой голос, голос Исава. Полцарства за бокал.

Дальше.

— Вы мне возразите, что эти имена он заимствовал из тех самых хроник, из которых он черпал материал для своих трагедий. Но почему он взял именно эти, а не другие имена? Ричард, горбатый отпрыск шлюхи, выродок, любезничает со вдовствующей Анной, улещает и обольщает ее: отпрыск шлюхи — веселую вдову. Ричард завоеватель, третий брат, овладел ею после Вильяма завоеванного. Остальные четыре действия драмы — дряблый привесок к первому. Ричард — единственный из всех его королей, не охраняемый шекспировым почтеньем, ангелом мира сего. Почему в *Короле Лире* побочная интрига, где фигурирует Эдмунд, была заимствована из *Аркадии* Сиднея и пристегнута к старой как мир кельтской легенде?

— Обычная манера Виля, заступился Джон Эглинтон. Мы теперь не стали бы сочетать скандинавскую сагу с отрывком из романа Джорджа Мередита. Que voulez-vous?[1] сказал бы Мур. Он помещает Богемию на берегу моря и заставляет Улисса цитировать Аристотеля.

— Почему? ответил Стефен сам себе. Потому что тема брата-предателя, или узурпатора, или прелюбодея, или всех трех в одном лице, никогда не покидает Шекспира. Тема изгнания, изгнания из сердца, изгнания из дома, проходит красной нитью сквозь все его драмы начиная с *Двух Веронцев* и до *Бури*, где Просперо ломает свой жезл, закапывает его на глубину многих футов в землю и бросает в море свою книгу. В его зрелые годы эта тема раздваивается, отражается в других темах, повторяется, протазис, эпитазис, катастазис, катастрофа. Она вновь появляется, когда он уже на краю могилы, когда его замужнюю дочь Сусанну, яблочко, упавшее недалеко от яблони, обвиняют в прелюбодеянии. Первородный грех омрачил его разум, ослабил его волю и внушил ему сильное пристрастие к злу. Выражаясь словами милордов епископов из Майнута, скажем: первородный грех, совершенный, подобно изначальному первородному греху, той, чьим грехом он также согрешил. То же самое находим мы и когда читаем между строк его последней воли, и когда разбираем надпись на его могильном камне, под которым ее останки не будут лежать. Годы не вытравили эту тему. Красота и умиротворение не победили ее. Она повсюду, в бесконечном многообразии, в сотворенном им мире, в *Много Шуму из Ничего*, дважды в *Как вам это нравится*, в *Буре*, в *Гамлете*, в *Мере за Меру*, и во всех остальных драмах, которых я не читал.

Он рассмеялся, освобождая свой ум от оков ума.

Судья Эглинтон резюмировал.

— Обе стороны правы, заявил он. Шекспир и дух отца, и принц. Он все во всем.

— Совершенно верно, сказал Стефен.

---

[1] Что вы хотите (фр.).

Мальчик первого действия и зрелый муж пятого — это одно лицо. Все во всем. В *Цимбелине,* в *Отелло* он сводник и рогоносец. Он действует и противодействует. Влюбленный в идеал или в извращение, он как Хозе убивает реальную Кармен. Его неумолимый интеллект, это одержимый Яго, непрестанно стремящийся причинить страдание мавру внутри себя.

— Куку! Куку! непристойно проклохтал кукушка Маллиган. Этот звук источник мук!

Темный свод принял, отдал.

— А Яго — что за фигура! воскликнул отважный Джон Эглинтон. Нет, что ни говорите, Дюма — fils (или это Дюма — père?) был прав. После бога, Шекспир величайший творец.

— Ни мужчины, ни женщины не радуют его, сказал Стефен. Пробыв в отсутствии всю жизнь, он возвращается на тот самый клочок земли, где родился, где он, муж и мальчик, был безмолвным свидетелем, и там, в конце жизненного пути, он сажает в землю свое тутовое дерево. Потом умирает. Спектакль окончен. Могильщики хоронят Гамлет—pére'а и Гамлет — fils'а, возведеного наконец смертью в сан короля и принца, с музыкальным сопровождением. Пусть убитого и обманутого, но зато оплакиваемого всеми хрупкими и нежными сердцем датчанками и дублинками, и скорбь о покойном — вот единственный супруг, с которым они отказываются расстаться. Если вам нравится эпилог, вчитайтесь-ка в него: преуспевающий Просперо, вознагражденная добродетель, Лиззи, дедушкина любимая внучка, и гадкий дядя Ричи, спроваженный поэтическим правосудием, туда, куда попадают все гадкие арапы. Занавес. Он нашел во внешнем мире действительным все то, что в его внутреннем мире было возможным. Метерлинк сказал: *Если Сократ сегодня утром покинет свой дом, он найдет мудреца, сидящего на пороге. Если Иуда сегодня вечером отправится в путь, этот путь приведет его к Иуде.* Жизнь каждого из нас, это много дней, день за днем. Проходя через самих себя, мы встречаем грабителей, духов, великанов, стариков, юношей, жен, вдов, братьев-соперников. Но встречаем всегда самих себя. Драматург, написавший фолио этого мира, и написавший плохо (он сотворил сначала свет, и только через два дня солнце), повелитель вещей, каковы они есть, тот, кого самые правоверные из католиков называют dio boia, бог — палач, есть конечно все во всем во всех нас — конюх и мясник, и он был бы сводником и рогоносцем, если бы не то обстоятельство, что в предсказанной Гамлетом небесной экономии нет больше браков, ибо облеченный славой человек, андрогинный ангел, есть сам себе жена.

— Эврика! воскликнул Бак Маллиган. Эврика.

Внезапно просияв, он вскочил с места и одним прыжком очутился у стола Джона Эглинтона.

— Можно? сказал он. Дух божий сошел на Малаки.

Он принялся писать на листке бумаги.

Взять листков с кафедры, уходя.

— Женатые, сказал мистер Без, герольд нежности, все кроме одного будут жить. Прочие останутся, как они есть.

Он рассмеялся, неженатый, обращаясь к Эглинтону Иоганну, холостяку и баккалавру.

Невенчанные, необрученные, боящиеся брачных уз, они листают еженощно комментированное издание *Укрощения Строптивой.*

— Вы только и делаете, что обманываете ожидания, сказал напрямик Джон Эглинтон Стефену. Все, что вы говорили, было сказано лишь для того, чтобы показать нам французский треугольник. Сами-то вы верите в свою теорию?

— Нет, поспешно сказал Стефен.

— Вы напишете все это? спросил мистер Без. Вы бы сделали из этого диалог, знаете, вроде платоновских диалогов Уайлда.

Джон Эклектикон улыбнулся надвое.

— Ну, а в таком случае, сказал он, мне не совсем ясно, почему вы рассчитываете получить за это вознаграждение, раз вы сами не верите. Дауден верит, что в Гамлете скрыта какая-то тайна, но больше он ничего не говорит. Герр Блейбтрей, тот самый господин, которого Пипер встретил в Берлине, работает над рэтлендовской теорией; он верит, что тайна погребена под

стрэтфордским надгробием. Пипер говорит, что он собирается посетить теперешнего герцога и доказать ему, что драмы написал его предок. Для его светлости это будет приятным сюрпризом. Но он верит в свою теорию.

Верую, господи, помоги моему неверию. Как это понимать: помоги мне верить или помоги мне не верить? Кто помогает верить? Egomen[1]. А кто не верить? Чужой дядя.

— Вы единственный сотрудник *Даны,* требующий сребренников. К тому же я не знаю, будет ли у нас место в ближайшем номере. Фред Райен хочет поместить статью по экономике

Фредрайен. Два сребренника он дал мне в долг. Выручил тебя. Экономика.

— За гинею, сказал Стефен, вы можете опубликовать это интервью.

Бак Маллиган оторвался от своего смеющегося писания, смеясь: и серьезно проговорил, медоточа ехидство:

— Посетив барда Кинча в его летней резиденции на Мекленбург-стрит, я нашел его погруженным в изучение Summa contra Gentiles в обществе двух гонорреидальных дам, Нелли Персик и Розали, феи с угольной пристани.

Он сорвался с места.

— Идем, Кинч. Идем, блуждающий Энгус-покровитель птиц.

Идем, Кинч, ты уже доел все, что осталось. Конечно. Я буду подавать вам остатки и отбросы.

Стефен поднялся.

Жизнь это много дней. Этот день кончится.

— Надеюсь, мы увидимся сегодня вечером, сказал Джон Эглинтон. Notre ami[2]. Мур говорит, что Малаки Маллиган обязательно должен придти.

Бак Маллиган в придворном поклоне взмахнул листком бумаги и панамой.

— Мусью Мур, сказал он, просвещающий ирландскую молодежь по части французской непечатной словесности. Как-же, обязательно приду. Идем, Кинч, бардам необходимо выпить. Ты еще держишься на ногах?

Смеясь он...

Дым коромыслом до одиннадцати. Ирландские афинские ночи.

[1] Я сам (лат.).
[2] Наш друг (фр.).

Увалень...

Стефен шел следом за увальнем.

Однажды в национальной библиотеке у нас был спор. Шекс. Следом за спиной увальня я шел. Я наступаю ему на мозоли.

Стефен, раскланявшись, уныло следовал за увальнем-шутом, за холеной шевелюрой, свеже-подстриженной, из сводчатой кельи на шумный дневной свет бездумья.

Чему я научился? У них? У самого себя?

Ходишь теперь как Гэйнс.

Комната тихого чтения. Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисдэл Фэррел украшает книгу посетителей своим многосложным росчерком. Тема: был Гамлет сумасшедшим? Плюшка квакер в разгаре душеспасительно-ученой беседы с попиком.

— Пожалуйста, пожалуйста, сэр... Я буду в восторге...

Турникет.

Кто?... Шляпа с синей лентой.. Небрежно пишет... Что? Посмотрел?..

Изгиб балюстрады; плавноскользящий Минций.

Пэк Маллиган, панамошлемый, спускался со ступеньки на ступеньку, в ритме ямба, напевая:

Джон Эглинтон, мой ангел Джон,
Зачем ты не женился?

Он брызнул слюной в воздух:

— О, бескостный китаез! Джон Без Жон Эг Лин Тон. Мы с Гэйнсом зашли в их театрик, в клубе водопроводчиков. Наши актеры готовятся подарить Европе новое искусство, на манер греков или М. Метерлинка. Театр Аббатства! В публике будет вонять монахами.

Он лихо сплюнул.

Забыл: так же, как он не забыл, как отхлестал его лупоглазый сэр Люси. И бросил свою femme de frente ans[1]. А почему больше не родились дети? А почему его первенец — девочка?

Задним умом крепок. Вернуться назад.

Непреклонный затворник все еще там (этот невинность сохранил) и нежный отрок, баловень любви, светлые кудри Федона приятно ласкать,

[1] Тридцатилетняя женщина (фр.).

Я... видите ли я... я только хотел... я забыл... он...

— Лонгуорс и Мак-Карди Аткинсон были там...

Пэк Маллиган приплясывал вприпрыжку, выделывая трели:

Когда ругается солдат
Иль раздается звучный блат,
Перед мною как живой,
С его искусственной ногой,
Встает Мак-Карди Аткинсон,
А с ним китаец Эглинтон,
Иначе Джон без подбородка.
Они хлестать боялись водку,
Жениться тоже не решались
И ежечасно удручались...

Шути, шути. Познай самого себя.

Остановившись ступенькой ниже, насмешник смотрит на меня. Я останавливаюсь.

— Ах ты, скорбный скоморох, простонал Бак Маллиган. Синг перестал носить черное, чтобы быть ближе к природе. Черны только вороны, попы и английский уголь.

Улыбка прошлась по его губам.

— Лонгуорс зол, как тысяча чертей, сказал он, после того, что ты написал об этой старой селедке Грегори. Ах ты, проспиртованный инквизитор-иудей-иезуит! Она тебя устроила в газету, а ты вместо благодарности разносишь в пух и прах ее писанину. Не мог ты, что ли, обойтись с ней а-ля Ейтс?

Он продолжал спускаться, напевно завывая, размахивая грациозными руками:

— Самая прекрасная из книг, какие появились за мое время в нашей стране. Невольно вспоминается Гомер!

Он остановился у подножия лестницы.

— Я разрешился пьесой для скоморохов, торжественно сказал он.

Многоколонный мавританский зал, сплетенные попарно тени. Кончилась мореска девяти человечков в колпачках квадратов и кубов.

Нежно модулируя, Бак Маллиган прочел свой листок:

Национальный имморалитэ в трех оргазмах
Малаки Хулигана.

Он повернулся к Стефену грязной заплатой счастливой ухмылки, говоря:

— Боюсь, не слишком ли это прозрачно. Ну, слушай.

Он прочел, marcato:

— Действующие лица:

Товий Тостофф (потрепанный поляк)
Краб (джентльмен с большой дороги)
Медикус Дик
и Медикус Дэви } (парочка монорфистов)
Матушка Гроган (водоносица)
Нелли Персик и
Розали (фея с угольной пристани)

Он хохотал, мотая головой из стороны в сторону, шагая впереди Стефена: и весело он говорил теням, душам людей:

— О, та ночь в Кэдмен-Холл, когда дочерям Эрина приходилось подымать юбки, переступая через тебя, а ты лежал в своей маренгоцветной, многоцветной, многообразной блевотине!

У дверей, чувствуя, что сзади кто-то идет, он посторонился.

Расстанься. Самый подходящий момент. А то где же? Если Сократ сегодня утром покинет дом, если Иуда сегодня ночью отправится в путь. Не все ли равно? Все лежит в пространстве, к чему я во времени должен придти, непреодолимо.

Моя воля: его воля, противостоящая мне. Пропасть между нами.

Человек прошел между ними, кланяясь, приветствуя.

— Здравствуйте еще раз, сказал Бак Маллиган.

Портик.

Здесь я гадал по птицам. Энгус покровитель птиц. Прилетают, улетают. Прошлой ночью я летал. Легко летал. Люди удивлялись. Потом улицы проституток. Дыню рупеллию он поднес мне. Войдем. Вы увидите.

День. Тележка солнца над аркой моста.

Темная спина шла впереди них. Шаг леопарда, вниз, на улицу через ворота, под зубцами ограды.

Они шли следом.

Продолжай оскорблять меня. Говори.

Мягкий воздух подчеркивал углы домов на Килдэр-стрит. Птиц нет. Нежные, над крышами домов две перистые струйки дыма подымались, дымный плюмаж, и легким порывом ветра были легко унесены.

Перестань бороться. Покой друидских жрецов в *Цимбелине,* иерофантов; из необ'ятной земли алтарь.

Богов мы славим.
Наш фимиам от алтарей священных
Да вознесется к ним.

ПРИМЕЧАНИЯ

Среди эпизодов, составляющих «день Блума», девятый эпизод — сцена в библиотеке («Сцилла и Харибда») — стоит несколько особняком. В качестве главного действующего лица в нем снова выступает Стефен Дедалус; мистер Блум появляется лишь эпизодически, в конце эпизода, как «действующее лицо без речей». Основное содержание эпизода составляет диспут о Шекспире, внешне никак не связанный, казалось бы, с содержанием предшествующих и последующих эпизодов. Однако, сцена в библиотеке не является инородным телом в композиции романа. Напротив, именно здесь впервые дана в развернутом виде основная тема всего «Улисса» — тема отца и сына, являющаяся стержнем рассуждений Стефена о Шекспире. Стефен как бы отрекается от своего физического отца, Саймона Дедалуса; по признаку имени он сближает себя с сыном Дедала, Икаром. Напомним содержание греческого мифа об Икаре. Строитель лабиринта, Дедал, «легендарный искусник, соколоподобный муж», задумал подняться к небу на построенных им крыльях; но при приближении к солнцу воск на крыльях растопился, и оба «первых авиатора» — Дедал и Икар — упали в море и утонули. В плане гомеровских ассоциаций Стефен, как мы уже знаем, отождествляется с Телемаком, сыном Улисса — Блума; их окончательная встреча, подготовленная «полувстречами» 7-го и 9-го эпизодов, когда «отец» и «сын» не «узнают» друг друга, состоится только в 14-м эпизоде.

Из участников диспута о Шекспире по крайней мере двое (не считая Стефена — по существу самого Джемса Джойса) являются так сказать историческими лицами, выведенными под собственными именами. Это — Джон Эглинтон (псевдоним Мэги) и А. Э. (псевдоним Рэссела). Оба они — видные деятели «ирландского возрождения». Об этом движении и о роли в нем Рэссела уже говорилось в связи с 7-м эпизодом («И. Л.», 1936, № 1). Добавим еще, что Рэссел родом из графства Армаг, за рекой Бойн, на северо-востоке Ирландии (у Джойса: «Он родом из-за Бойна. С северо-востока»); с начала XX столетия Рэссел принимал деятельное участие в кооперативном движении (у Джойса: «он... разоблачил свои кооперативные часы» и дальше); наконец, он был мистиком (отсюда упоминания о Блаватской и теософские термины будхи, карма, элементаль и др. во внутреннем комментарии Стефена к речам Рэссела). Кроме них, в 9-м эпизоде упоминаются и другие деятели «возрождения». Это прежде всего крупнейший ирландский поэт нашего времени Уильям Батлер Ейтс (иногда называемый просто «У. Б.»), написавший несколько драм, в том числе «Графиню Кэслин»; несчастная Кэслин (у Джойса «Щербатая Кэслин») — олицетворение Ирландии. Другой участник этого движения — писатель Эдвард Мартин — участвовал вместе с Ейтсом и Муром в создании ирландского национального театра. Салон Джорджа Мура, ирландца по происхождению, парижанина по воспитанию, был в начале 1900-х годов центром литературного движения молодой Ирландии. Из упоминаемых в 9-м эпизоде дублинских литераторов назовем еще поэта и романиста Джемса Стивенса и крупнейшего ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга (1871—1909), прославившегося своими пьесами из жизни ирландских крестьян («Герой» и др.). Произведения Синга исполнялись впервые на сцене Театра Аббатства (ирландского национального театра), основанного в 1902 г. Ейтсом. Его директором была до последнего времени лэди Августа Грегори, написавшая для этого театра несколько десятков пьес. Из биографии Джойса известно, что лэди Грегори через одного из своих друзей устроила юного Джойса рецензентом в газету. Джойс отплатил ей тем, что в первой же своей рецензии разругал ее новую пьесу (ср. в конце 9-го эпизода слова Маллигана: «Лонгуорс зол... после того, что ты написал об этой старой селедке Грегори»).

Сторонники ирландского возрождения много занимались кельтским народным эпосом. Их литературный орган — «Дана» — был назван по имени матери богов, богини смерти в ирландском пантеоне (ср. у Стефена: «подобно тому, как мы, или матерь Дана, ткем и распускаем ткань наших тел...»). Стефен называет Рэссела оллав: так именовались в древней Ирландии певцы-поэты, подобные скандинавским скальдам. Энгус (реплика Маллигана в конце эпизода: «Идем, Энгус...») — в ирландской мифологии бог юности и красоты. Мананаан Мак Лир — кельтский легендарный богатырь, сын бога моря.

В центре 9-го эпизода — дискуссия о Шекспире, начавшаяся, повидимому, еще до «поднятия занавеса». Стефен-Джойс дает здесь своеобразное истолкование творчества Шекспира в связи с его биографией; и хотя имя Фрейда на протяжении всего эпизода не названо ни разу, а его школа упомянута лишь раз («новейшая венская школа, о которой рассказывал нам мистер Мэги»), все рассуждения Стефена проникнуты духом фрейдизма. По существу Джойс пересказывает всю известную нам биографию Шекспира, вплоть до таких апокрифических деталей, как преследования со стороны сэра Томаса Люси («он не забыл, как отхлестал его лупоглазый сэр Люси»), якобы вынудившие Шекспира уехать из Стрэтфорда в Лондон (или, на блатном языке, в «город Рим»). Кроме фактов личной биографии Шекспира Джойс широко использует также факты биографии литературной, равно

как и исторический фон. Так, Эглинтон цитирует отзыв о Шекспире его приятеля Бен Джонсона («во мне, как и в старике Бене, он вызывает самое искреннее восхищение»); Стефен приводит отзывы современников Шекспира, критика Фрэнсиса Миреса, о сонетах («сладкие как сахар сонеты») и соперника Шекспира, драматурга Роберта Грина («пышное преувеличенное изображение убийств, «палач души»); «слава величайшего потрясателя сцены в Англии» — цитата из памфлета Грина «На грош ума» (1592), где он выводит Шекспира под именем «потрясателя сцены», Shake-scene, намекая на его имя — Shakespeare. Памфлет Грина был издан другим литератором — елизаветинцем, Четлем (у Джойса: «Четль Фальстаф»). Дрэммонд из Хаусорндена (1585—1649) — шотландский поэт, друг Бен Джонсона. Сэр Филип Сидней (1554—1586) — знаменитейший поэт елизаветинского времени, автор сонетов и пасторального романа «Аркадия». Дрэйк и сэр Уолтер Рэли — «отважные мореплаватели», создававшие Англии новые колонии в недавно открытой Америке. Создание «Бури» (1611), «в которой выведен Патси Калибан, наш американский родич», Джойс связывает с возвращением одной из таких колониальных экспедиций (корабль «Отважный Мореход»), создание «Макбета» — со вступлением на престол «шотландского горе-философа» Иакова I (1603). «Макбет» был написан в 1605 году — как раз тогда, когда был раскрыт т. н. «пороховой заговор», в котором был замешан глава иезуитского ордена в Англии Гарнет и другие иезуиты («процесс уорикширских иезуитов»); говоря о «лакейской теории словоблудия», Джойс имеет в виду выпады против иезуитов, вложенные Шекспиром в уста привратника («Макбет», II, 3).

Как и следовало ожидать, эпизод, посвященный Шекспиру, весь испещрен цитатами из Шекспира. Обычно они никак не выделены, а даны или в речи действующих лиц, или во внутреннем монологе Стефена, причем зачастую в гротескно-осмысленном или трансформированном виде. Из одного только «Гамлета» здесь имеется до пятнадцати скрытых цитат: «что ополчается на море смут» — из монолога «Быть или не быть» (III, 1); «ты здесь, приятель» — слова Гамлета, обращенные к духу отца во время клятвы (I, 5); «кш, кш!» — из разговора притворяющегося безумным Гамлета с Полонием (II, 2); «ближе к небу на высоту каблука» (о библиотекаре) — из разговора Гамлета с актерами (II, 2); «жалкая царица» (о вдове Шекспира) — из монолога актера о Гекубе (II, 2); слова мистера Беза «женатые, все кроме одного, будут жить...» — из разговора Гамлета с Офелией (III, 1); «пигалица» — так Гамлет называет Осрика (V, 2), и т. д. Неоднократно цитирует Джойс и другие драмы Шекспира: «Цимбелина» (заключительные стихи «Богов мы славим...», V, 5), «Тщетные усилия любви» (реплика Маллигана: «Куку! Куку! О, этот звук для всех мужей источник мук»), «Антония и Клеопатру» («ее голубые окна» — о Клеопатре), «Перикла», «Отелло» и другие драмы, а также сонеты; перечислить все эти цитаты просто невозможно — тем более, что в большинстве случаев это цитаты скрытые, неразрывно слитые с тканью джойсовского текста.

Но не одного только Шекспира цитируют и поминают Стефен и его собеседники. В еще большей степени, чем другие «стефеновские» эпизоды (1, 2, 3, отчасти 7), сцена в библиотеке является своего рода литературной энциклопедией цитат и имен. Здесь и комментаторы Шекспира (Брандес, Сидней Ли, Доуден, Бертон, Мадден, Гаррис), и поэты античности (Гомер, Овидий), и основоположники французского символизма (Малларме, Метерлинк, Вилье де Лиль Адан), и английский поэт 18 века Блэйк, и Данте, и его учитель Брунетто Латини (1212—1294), автор энциклопедического сочинения «Сокровище», откуда Стефен берет описание василиска. Особо отметим некоторые завуалированные цитаты и упоминания. Называя поэму величайшего английского поэта 17 века Джона Милтона «Потерянный рай», Джойс гротескно сближает ее с бульварным романом «Скорбь сатаны» — произведением английской писательницы конца XIX — начала XX века Марии Корелли. Говоря о Сократе, Стефен называет его возлюбленную Мирто «Эпипсихидионом Сократидидиона»: здесь намек на поэму Шелли «Эпипсихидион», в которой описывается идеальная серафическая любовь. Телеграмма Стефена («Сентиментален тот»...) — цитата из романа «Эгоист» английского писателя конца 19 века Мередита. Наконец, в заключительной части эпизода Маллиган цитирует «Балладу о старом моряке» Кольриджа («страшусь тебя, старый моряк»).

Нетрудно заметить, что цитаты и литературные ассоциации обычно даны у Джойса в гротескном осмыслении. Очень часто Джойс не столько цитирует текст, сколько пародирует его (так, Маллиган, прочтя телеграмму Стефена, пародирует в следующих репликах стиль крестьянских драм Синга). Не менее жестоко, чем с писателями, Джойс расправляется с философами. Как и подобает выученику иезуитов, Стефен лучше всего знает кумир средневековья Аристотеля и столп средневековой схоластики Фому Аквината (1224—1274). Но Фому Аквината Стефен называет «бульдог Аквинский», а его капитальный «Трактат против иноверных» (Summa contra gentiles) он, по словам Маллигана, изучает в обществе проституток. Аристотель у Стефена «стагиритский школьник, лысый языческий мудрец»; возлюбленную Аристотеля, Хрепиллис, он сближает с фавориткой Карла II, актрисой Нелл Гвинн; такое же анахронистическое сопоставление — в упоминании о Сократе: афинские националисты, осудившие Сократа на смерть, отождествляются с шиннфейнерами.

Пародийный гротеск, — прием, проходящий через весь девятый эпизод. Стефен-Джойс все время «играет» историческими событиями, именами, цитатами. «Вы умеете обыграть имя», говорит о Стефене Эглинтон. Так обыграны имена самого Стефена Дедалуса (см. выше), Беза, Маллигана (псевдомалахия, Мо-

нах Маллиган, Малаки Хулиган), Эглинтона и наконец Шекспира («Рэтлендбэконсоутгемптоншекспир» — в одном имени слиты имена всех претендентов на авторство шекспировых драм). К сожалению, один из наиболее эффектных примеров подобной игры на имени при переводе неизбежно теряется: дело в том, что уменьшительное от «Вильям» — Вилл — значит по-английски «воля» (will).

Остается упомянуть еще некоторые малопонятные детали и слова. Лейтмотив библиотекаря — старинные танцы (синкапас, курант, гальярда), в темпе которых он двигается; мореска (в конце эпизода) — мавританский танец. После цитаты из Милтона (в начале эпизода) Стефен вспоминает своего университетского друга Крэнли и его националистические мечтания («одиннадцать верных виклоусцев Крэнли», и дальше — «двенадцать из Тинахели»; Тинахели — город в графстве Виклоу, родина Крэнли). Письмо, которое Стефен передает Рэсселу, — письмо в редакцию его патрона, мистера Дизи (см. 2-й эпизод, «И. Л.», 1935, № 2). Эсквибо («три драхмы эсквибо ты выпил на дукаты Дана Дизи») — ирландский напиток из брэнди с пряностями; драхма — английская мера емкости. Ошин (о Синге) — синоним «фения» — ярый ирландский националист. Лолларды — еретическая религиозная секта 16—17 столетия. Протазис, эпитазис, катастазис, катастрофа — термины античной поэтики, обозначающие последовательные этапы развития драматического действия.
